Император

Автор:
Олег Кожевников

Император

Олег Анатольевич Кожевников

Боевая фантастика (АСТ)Михаил II #3

Тяжела доля императора. Тем более в России 1917 года. И это в полной мере ощутил наш современник, оказавшись в ходе научного эксперимента, затеянного его другом, в теле Михаила Романова, брата Николая Второго. Так как ребята знали судьбу Михаила и его секретаря Джонсона, тела которых в этой реальности заняли сущности наших современников, то они начали делать все, чтобы выжить в новом мире. И прежде всего, нужно было изменить историческое развитие этой новой реальности.

Олег Кожевников

Император

© Олег Кожевников, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Император!.. Неужели я стал императором, царём, мать твою! Всё это никак не укладывалось в мозгах. Ну ладно, пусть я попаданец, человек из двадцать первого века, но не монарх же, не помазанник Божий, и вообще демократ и против любого диктата. Вот же ситуация! Загнала в такой угол, что сделать ничего нельзя – только принимать корону и становиться монархом! Простой технарь из НИИ мозга становится самодержцем России, это нонсенс – идиотизм какой-то. А всё Кац с его непомерными научными амбициями виноват. Правда, я сам хорош – согласился поучаствовать в, казалось бы, безобидном эксперименте своего друга и в итоге оказался в теле брата Николая Второго, Михаила Александровича, в 1916 году. Сначала я балдел, оказавшись в теле брата императора. Ещё бы – из мальчика на побегушках оказаться в теле аристократа, у которого куча прислуги, к тому же генерал-лейтенанта. Да я мог есть чёрную икру ложками, а запивать её выдержанным французским коньяком. Вот только знание истории, вложенное в меня учёбой в школе двадцать первого века, мешало насладиться своим положением. Ещё бы, я знал, что в России скоро произойдут революции, и после Октябрьской великого князя Михаила Александровича шлёпнут в Перми. Как тут радоваться жизни и тому, что ты стал «голубой кровью», если знаешь, что это очень ненадолго. Ведь мне было из истории известно, что через год Михаила Александровича сошлют в Пермь. А там местные чекисты по-тихому шлёпнут великого князя и его секретаря Джонсона. А именно меня и Каца. Да, мой друг, заваривший всю эту кашу, спасающийся от начавшей меняться истории, тоже кинулся в этот водоворот. Меня он внедрил в тело Михаила Александровича в силу случайных обстоятельств, а сам нырнул в разум Джонсона, полностью осознавая, что он делает. Выхода у парня не было – история после моего исчезновения из хронографа начала меняться.

Да, сначала было чудно и непривычно. Ещё бы – стать таким значительным человеком, как брат самого императора, это было для обычного человека ударом по психике. Ну а потом, как ни странно, мне эта ситуация понравилась. И немалую роль в этом сыграла жена Михаила Александровича – Наталья. Большой искусницей в любовных утехах оказалась эта проказница. Теперь я понимал великого князя, который нарушил правила семьи Романовых – брат императора не имел права венчаться с девушкой не королевских кровей. А Михаил это сделал – бесшабашный был человек, настоящий гвардеец Кирасирского полка. В 1907 году у флигель-адъютанта, штабс-ротмистра, командира лейб-эскадрона, случился роман с женой его подчиненного, поручика Вульферта – Натальей. Роман был бурный, а в 1910 году у них родился сын Георгий. Михаил был благородный человек, верный своим обещаниям, и он тайно вступил с Натальей в морганатический брак в Вене в 1912 году, обвенчавшись в сербской православной церкви Св. Саввы. Этим он нарушил все устои семьи Романовых и

попал в опалу. Михаил был уволен со всех должностей и постов, ему было запрещено возвращаться в Россию, и он жил с женой в Европе. Даже имения великого князя находились под секвестром. Одним словом, наказали великого князя за венчание с простолюдинкой Натальей Сергеевной (урождённой Шереметьевской) по полной программе. Но когда грянула война, Михаил забыл про обиду и, верный долгу перед родиной, написал письмо своему брату Николаю Второму с просьбой зачислить его в действующую армию, чтобы он встал на защиту родины. Николай Второй пошёл ему навстречу, но назначил Михаила командиром самой проблемной в русской армии Туземной кавалерийской дивизии. В дальнейшем в ходе войны за нрав её всадников прозванной в народе «дикой». Вот так блестящий гвардейский офицер и генерал оказался в России в самой гуще Первой мировой войны. Несмотря на всю тяжесть этой войны, на бесконечные бои и отступление 1915 года, он не сбежал обратно в Англию, а продолжал нести тяжёлую ношу русского офицера. Дрался с неприятелем храбро и заслужил за бои в Карпатах орден Святого Георгия 4-й степени. То есть стал георгиевским кавалером, а это многое значило в глазах фронтовиков. И не только для них, на императора Николая Второго это тоже подействовало, и он назначил Михаила Александровича командиром 2-го кавалерийского корпуса.

Непрерывные бои, недосып, питание чёрт знает чем негативно подействовали на здоровье великого князя – у него начала развиваться язва желудка. Да у любого бы человека от такой жизни начались сбои в организме. А тем более у аристократа, привыкшего к хорошей кухне. Когда приступы язвы стали уже нестерпимы, а бои после самой острой фазы, «Брусиловского прорыва», в котором корпус под командованием Михаила активно участвовал, несколько стихли, великий князь направился на лечение в Петроград, к лучшим докторам империи. Вот там, в загородной резиденции царской семьи в Гатчине, и произошёл перенос моей сущности в тело великого князя. Виновник этого события, мой друг м. н. с. Института мозга Кац (Кацман), тоже оказался в этом времени. Его сущность вселилась в тело секретаря великого князя – Джонсона. Но если я попал в тело Михаила Александровича случайно – в ходе неправильно пошедшего эксперимента, затеянного моим другом, то сам Кац целенаправленно вселил в тело Джонсона свою сущность. Испугался парень, когда моё тело куда-то испарилось из хронографа, а из ниоткуда рядом со зданием Института мозга возникли громадные небоскрёбы. Мой друг начал догадываться, что произошло, когда у него самого исчезла часть руки. Кац понял, что история, а значит, его родная реальность изменилась, он сам не родился из-за того, что родители, скорее всего, не встретились. Да и вообще, вполне вероятно, из-за смены истории они могли и сами не родиться. После того

как мой друг появился в теле Джонсона и рассказал мне о своих выводах, я, естественно, испытал сильнейший шок, потом отчаянье, а затем жажда жизни всё-таки взяла верх. И мы с Кацем начали думать, как бы исхитриться обмануть историю и не допустить, чтобы наши сосуды жизни, а именно тела великого князя и его секретаря Джонсона, закончили свои дни так же, как в нашей бывшей реальности – с простреленными черепами, закопанными на пустыре недалеко от Перми. Вот выполняя эти планы, после череды событий и колоссальных усилий как моих, так и со стороны Каца, я и оказался в этом бронированном вагоне в качестве самодержца Российской империи. Не хотел этого, всё делал, чтобы Николай Второй остался на троне, но не смог: история вещь неповоротливая и упрямая, её с кондачка и на ура не повернёшь. Вот и пришлось, чтобы история не пошла той же дорогой, что и в моей реальности, подставиться и взвалить на свои плечи тяжеленный груз ответственности – стать монархом Российской империи.

Груз ответственности придавил меня основательно – всю дорогу до Петрограда я судорожно рылся в захваченных из штаба Особой армии документах, пытаясь понять, что же мне теперь делать. Ещё раз перечитал компромат на элиту Российской империи, переданный Кацу, а значит, мне бундовцами. Аналитическая служба этой еврейской организации провела гигантскую работу, не хуже Моссада двадцать первого века, но подсказки я так и не нашёл. Наоборот, пришёл в полное уныние – не нашёл ни одного человека из всей элиты Российской империи, которому можно было доверять. Сплошная гниль и разложение. Каждый плёл свои узоры в политике, наверное, эти люди думали жить вечно, и как будто их представление о развитии страны было единственно верным. А я-то знал, что это не так. Что через пару лет эти политиканы окажутся сметены народным гневом. И все их благие намерения, у кого они, конечно, были, не более чем пшик перед расстрельным взводом пролетарского трибунала. Безумно было жалко народ, идущий на заклание под предводительством этой практически выродившейся и сгнившей элиты. Нужно было сделать нечто такое, чтобы растрясти это гнилое дерево Российской империи. Но не так, как это было сделано большевиками, а аккуратно, чтобы не повредить корневую систему империи. Море крови, выпущенной из народа после Октябрьской революции, первоначально дало обновление элиты и вдохнуло жизнь в трухлявую основу империи, и это дало возможность выиграть ВОВ, но затем без подпитки от корневой системы, которую основательно повредили свалившиеся на Россию невзгоды, страна в моей реальности снова попала в полосу стагнации. Вот и нужно было продумать свои шаги, чтобы не попасть в поток истории, повторяющий прежнее течение реки времени. Умом я всё это понимал, но, как собака Павлова, мог только гавкать на подсунутые историей

реалии.

А как, спрашивается, можно коренным образом изменить историю, если для этого практически ничего нет? Ни знаний, ни кадров, ни ресурсов, одно только желание. Нет, вру, было знание, принесенное из моей бывшей реальности – туда не ходи, будет больно. Но этот ресурс я уже использовал – принял скипетр, не позволив развалиться монархическому режиму в России. По крайней мере, избавил себя и Каца от ссылки в Пермь. Но вот что делать дальше, я не знал. Ведь положение в стране так и оставалось катастрофическим – война продолжалась, солдатские бунты готовы были начаться от малейшей неудачи на фронте или демонстрации рабочих в тылу. А рабочих продолжали подзуживать всё та же элита и германские агенты влияния. И чёрт ногу сломит, вычисляя, кто там иностранный агент, а кто искренне желает, чтобы родина, наконец, начала процветать. Многие думают, что именно самодержавие тянет Россию на дно зловонного болота. А скинув цепи самодержавия, она как сокол устремится ввысь к солнцу, к демократии. Но я-то знал, что этими благими намерениями выстлана дорога в ад.

Вот я и сидел, продумывая, как бы исхитриться и не попасть в выбитую историей колею. Но как ни напрягался, никаких новых путей для развития страны не видел. От войны никуда не деться, а она, как гигантская гиря, тянула страну на дно. Попытаться заключить сепаратный мир? Но это плохой выход. В истории, которую я знал, коммунисты по существу заключили такой мир с Германией, а в итоге страна получила кровавый кошмар – гражданскую войну и обструкцию союзников. Когда они делили репарации, мы с азартом убивали друг друга. Нет, такой хоккей нам не нужен. Остаётся, истекая кровью и соплями, нести тяжеленную ношу войны до конца. Слава богу, осталось продержаться не так долго. Если исходить из истории, которую я помнил, Первая мировая война закончится в 1918 году. Осталось достойно продержаться ещё 1917 год, и можно будет перевести дух. 1916 год, можно сказать, уже продержались. Австрийцы после потери Ковеля теперь вряд ли будут дёргаться, Германия, конечно, может ещё попытаться провести какую-нибудь наступательную операцию, но не раньше весны следующего года. Во-первых, потому что получила по мозгам на Юго-Западном фронте, да и союзники в битве на реке Сомме сильно прищемили хвост тевтонам. Теперь немцы категорически не могут ослабить свои силы на Западном фронте, и даже в том случае, если армия Австро-Венгрии начнёт разваливаться. Как я узнал в штабе Особой армии, по предварительным данным, потери германской армии в ходе этой битвы составили более четырехсот тысяч человек. Пускай союзники потеряли и больше, но и людской потенциал у них выше. К тому же в войну скоро вступит и

Америка – вот разберётся с Мексикой и влезет в европейскую войну. По крайней мере в моей реальности так оно и было. А ещё на моё имя в штаб Особой армии пришла шифрограмма от начальника Генштаба генерала Алексеева, который сейчас исполнял обязанности главнокомандующего. Так вот, кроме краткого доклада о положении на фронтах, он сообщил, что французами готовится наступление между Мезом и Вевре Плейн. И что крайний срок его начала – декабрь. Германская агентурная разведка работает хорошо, и если это доведено до наших генералов, то германский Генштаб наверняка тоже обладает этими сведениями. Исходя из этой мысли, можно сделать вывод, что до лета Германия не в состоянии будет перебросить свои войска с Западного фронта на наш. Тем более боеспособные дивизии. А их у немцев не так уж и много. Те, которые они умудрились направить на помощь Австро-Венгрии, мы здорово потрепали, и они потеряли свою боеспособность.

Да, вот именно так, моя безумная затея с захватом Ковеля не просто удалась, а буквально вдохнула жизнь в начинающийся разваливаться Юго-Западный фронт. Германцы подтянули свежие дивизии и организовали очень грамотные атаки на две наши армии – 8-ю генерала Каледина и 11-ю генерала Сахарова. Под их ударами эти армии начали разваливаться – русские солдаты не желали воевать, и при сильном нажиме противника некоторые части даже бросали свои позиции и бежали в тыл. Хорошо, рядом с армией Каледина была дислоцирована сформированная из гвардейских частей Особая армия, она была ещё не особо затронута тленом разложения. Вот её корпуса и встали на пути германских дивизий. А 11-й армии было некому помочь, и она дрогнула. Если бы в это время 2-й кавалерийский корпус под моим командованием не совершал рейд в тылу противника и не затеял операцию по взятию важнейшего стратегического пункта – города Ковеля, то операция германской армии оказалась бы успешной. Русская армия оказалась бы разбитой, и ей не помог бы стратегический гений Брусилова. В тот момент казалось, что ничто не могло мотивировать солдат держать оборону. Хорошо с ними поработали революционеры-пропагандисты и не только они – сама власть вела себя безобразно, тут и пропагандировать против неё особо было не нужно. Защищать страну с такой властью большинство солдат не хотело. Но тут случилось чудо – город Ковель, на подступах к которому полегли многие тысячи солдат, был взят 2-м кавалерийским корпусом. Солдаты воодушевились, а когда узнали, что взятием Ковеля командовал брат императора, вера в верховную власть укрепилась. Тем более полковые священники объясняли, что это чудо есть промысел Божий. Как только Николай Второй отдал корону Михаилу, Господь помог тому разбить супостата, показывая – вот кто истинный помазанник Божий. И не повиноваться ему есть большой грех, и допустившему это преступление гореть в геенне

огненной. Одним словом, после взятия Ковеля многое в психологии русского солдата изменилось. И когда новость о взятии Ковеля стала известна в войсках, солдат как будто подменили. Они уже не паниковали при германских атаках и стойко сносили все тяготы войны. Даже жёсткий артиллерийский огонь неприятеля не вносил в души сумятицу, а заставлял думать о подвиге великого князя, когда он лично повёл полки на штурм укреплений Ковеля. В первый штурм укреплений Ковеля сложили головы многие тысячи простых солдат. Даже корпуса гвардейцев из Особой армии не смогли взять эти твердыни, напичканные пулемётами и пушками, а всего лишь две дивизии под предводительством Михаила разбили неприятеля в пух и прах.

Именно такие слухи ходили среди солдат Юго-Западного фронта. Я за время, которое провёл в Луцке, даже систематизировал их по принципу «совершенно невероятные, связанные с божественной сущностью Михаила» и «слухи более-менее реалистичные». Вот те, которые реалистичные, соответствующие моим представлениям о причинах возрождения боевого духа армии, и остались в памяти. А времени собрать слухи, ходившие среди солдат, и систематизировать их у меня было. Шесть дней я находился в Луцке. И хотя на сердце скребли кошки и хотелось как можно скорее оказаться в Петрограде, уехать, не дождавшись результата операции Особой армии по прорыву к Ковелю и нормализации положения в полосе 11-й армии, я не мог. Хотя 39-й армейский корпус Особой армии пробился к Ковелю и соединился с частями 2-го кавалерийского корпуса Багратиона на следующий день, после того как новый император добрался до Луцка, но я всё равно не тронулся с места. Чувствовал, что нельзя сейчас покидать фронт. Именно здесь и сейчас решалась задача, которую мы с Кацем поставили перед собой – по недопущению сползания России в выгребную яму истории. Конечно, я мог ошибаться, и эта задача решалась в столице, где требовалось успокоить рабочих и какими-нибудь политическими уступками умиротворить депутатов Госдумы. Но я посчитал, что задачи умиротворения пойдут гораздо легче, если обстановка на фронте хотя бы нормализуется. А если будут явные победы, то и умиротворять никого не придётся. К тому же когда прибыл в Луцк, то получил телеграмму от Каца, в которой уже не сквозило паническое настроение, что всё пропало, срочно приезжай в Петроград. Конечно, может быть, это я его успокоил телеграммой, которую направил своему другу после того, как попал в расположение 39-го армейского корпуса. А скорее всего, обстановка в столице не настолько уж критическая. Хотя Кац и призывал меня как можно быстрее приезжать в Петроград, но сообщал он прежде всего о нехватке финансов на наши проекты. Это меня и успокоило – если парень начал свои вечные жалобы на нехватку денег, значит, не всё так плохо и дела худо-бедно, но идут. Сообщил Кац и о

растерянности, которая наблюдается сейчас в Петрограде, как в среде чиновников, так и среди простого населения. Никто не знает, что делать, даже горлопаны политиканы и те примолкли. Гавкать на Михаила – боевого генерала, взявшего Ковель, как-то не с руки. Тем более ещё свежи воспоминания о кулачном бое великого князя с человеком-горой, спасение санитарного поезда и действиях во время мятежа латышских стрелков. Рабочие надеются на щедрость нового императора. Ведь рассказы о том, как Михаил одаривал золотыми империалами юнкеров, сейчас очень популярны в народе. А интеллигенция надеется на то, что новый царь установит правовые нормы, как в Европе, не зря же он жил и имеет замок в Англии. Его европейский менталитет проявился и в том, что Михаил после бунта латышских стрелков на станции Лазаревская не перестрелял мятежников, как настоящий сатрап, а организовал по процедуре, принятой в Англии, цивилизованный, демократический суд. И не его вина, что этот суд приговорил мятежников к расстрелу. Демократия, особенно во время войны, обязана уметь защищаться. Так что народ довольно благожелательно был настроен к новому царю, и никаких эксцессов против монархии пока не наблюдалось.

Вот я и посчитал, что нужно сделать паузу и появиться перед столичной публикой уже зная, как обстоят дела на Юго-Западном фронте. Если не удастся стабилизировать фронт и войска будут вынуждены отойти, то это негативная ситуация, и Михаилу придётся действовать по сценарию предреволюционного положения в стране. Мы долго с Кацем разрабатывали такой сценарий, и, в общем-то, львиная доля нашей деятельности была подготовкой к развитию ситуации по негативному сюжету. А он предусматривал, кроме раздачи продовольствия рабочим, силовые действия. Именно для этого присланная мной ещё из Житомира группа полковника Попова с участием Каца составляла списки самых опасных и энергичных противников самодержавия. После моего приезда в Петроград должна была начаться большая чистка. Для этого и вёз туда Ингушский конный полк и бойцов мехгруппы. А вот если 11-я армия генерала Сахарова сможет остановить германцев, то вся ситуация на Юго-Западном фронте менялась. А учитывая то, что Ковель был взят, то немцы попадали в очень неприятную ситуацию – снабжение нарушено, подкреплений ждать бесполезно, австрийская армия дезорганизована и потеряла боеспособность. У германцев остаётся единственный выход из такой ситуации – бросить тяжёлое вооружение и по грязи пробиваться на спасительный запад. Явная победа русского оружия. И главным героем, несомненно, станет генерал, корпус которого взял Ковель, а то, что он стал императором, народ будет однозначно считать Божьей волей. А главное, при развитии ситуации по такому сценарию любая пропаганда против монархии будет бесполезной, по крайней мере

несколько месяцев. На таком фоне никакие революции в России в 1917 году не произойдут. А там и война закончится победой союзников. Репарации, а главное, освобождение святынь Царьграда от владычества Турции окончательно забьют гвоздь в крышку гроба плана насильственного смещения императора. Договорённость с союзниками о присоединении к России Константинополя и проливов имеется. И получается, что миссия, которую мы с Кацем взяли на себя, будет полностью выполнена. И нам уже не будет грозить ссылка в Пермь – можно будет наслаждаться жизнью. Мне, конечно, под таким грузом ответственности вряд ли надолго удастся расслабиться, а вот мой друг вполне может насладиться жизнью в двадцатом веке.

И главное, эти мечты вполне реальные. Все источники говорили, что паника и дезорганизация частей 11-й армии сошла на нет. Солдаты встали в жёсткую оборону. И даже без подхода свежих частей, первоначально предназначенных для переброски на Румынский фронт, остановили германцев. А местами даже начали контратаковать неприятеля. Об этом мне доложил сам Брусилов, спешно прибывший на встречу со мной в Луцк. Да вот именно, сам командующий Юго-Западного фронтом теперь докладывает мне о положении дел в вверенных ему армиях. И о моём бывшем корпусе он доложил. Полковник Хватов развил такую бурную деятельность, что его снабженческие операции попали даже в доклад командующего фронтом. Конечно, это может быть и потому, что бывший командир спецгруппы не ограничивался только ресурсами, которые имелись в Ковеле. Пользуясь мандатом, который я подписал, он уже начал прессовать снабженцев не только 8-й и Особой армий, но его эмиссары уже добрались до штаба фронта. И везде они требовали железнодорожные вагоны и охрану для важных грузов, отправляемых в Петроград по распоряжению самого Михаила Второго. Информацию об обстановке в полосе армии Сахарова я получил не только от Брусилова, но и от своих людей, направленных в расположение 11-й армии сразу после прочтения в штабе 39-го армейского корпуса манифеста об отречении Николая Второго. Время до подхода эшелонов из Луцка было, и я смог, основываясь на рекомендациях Хватова, отобрать людей из состава мехгруппы для сбора сведений о положении дел в полосе 11-й армии. Очень меня этот вопрос волновал. Конечно, отобранные бойцы были далеко не разведчики и не тайные агенты, но люди они были коммуникабельные и проверенные предыдущими боями мехгруппы. А значит, как заявил полковник Хватов:

– Названные мной бойцы выполнят поставленный приказ и обязательно доложат о любых, ставших им известными фактах. А прапорщик Тиборг, кроме того что хорошо разбирается в автомобилях, знает и немецкий язык. Так что если ваше

величество назначит его командиром этой группы, сможет и допросить пленных. Как австрийцев, так и германцев. Хотя прапорщик и сам немец, но он православный и является истинным патриотом России. Что не раз доказывал в боях с германцами.

Что же, других людей у меня не было. Я согласился с новоиспечённым полковником и направил отобранных бойцов с весьма специфическим заданием в расположение 11-й армии. И потом, когда находился в Луцке, просматривая телеграммы, а иногда и радиограммы, поступающие от этой группы, ни разу не пожалел, что направил именно этих людей с весьма специфическим заданием. Ежедневно на имя Михаила стала поступать независимая от фронтового начальства информация о настроениях солдат и реальном положении дел в 11-й армии. И не только короткие телеграммы, но и довольно объёмные шифрованные радиограммы. Ведь эта группа моих информаторов имела даже искровую радиостанцию. Одним словом, сформирована по образу тревожных групп, которые были созданы перед рейдом по тылам австрийцев. Кстати, прапорщик Тиборг был командиром одной из этих групп. Когда я вспомнил об этом, то подумал: заслуженный офицер, а значит, не долго ему ходить прапорщиком. Когда миссия этой тревожной группы будет завершена, присвою ему поручика. Надёжных, не развращённых близостью к власти людей катастрофически не хватает, а нужно весьма основательно прочистить весь гнилой бомонд империи. Если этот Тиборг хорошо себя проявит как информатор императора, то, пожалуй, зачислю его в команду полковника Попова. Николай Павлович, как сообщает Кац, разошёлся в Петрограде не на шутку. Его агенты, непонятно каким образом, влезли во многие значимые общественные организации. Только нехватка людей не дала возможности накрыть всю столицу паутиной агентуры полковника. Сейчас, как написал Кац, уже никакая революция невозможна. Любые серьёзные выступления на корню будут задушены людьми Николая Павловича.

Мысль о проделанной работе полковником подстегнула размышление о собственном непрофессионализме. Вон, люди, не имея практически никаких ресурсов, за короткое время сделали работу, с которой мы с Кацем возились столько времени. Слава богу, что я хотя бы разглядел талант полковника Попова ликвидировать вспышки недовольства и агрессивного поведения подчинённых. Это надо же, служба полковника Попова сделала из Туземной дивизии не скопище диких абреков, а отличную кавалерийскую дивизию. В настоящее время о диких нравах её джигитов напоминает только ярость, которая охватывает всадников во время боя. Михаила в его бытность командиром Туземной дивизии коробила традиция отрезать головы офицерам поверженных врагов. Мне,

насмотревшемуся в двадцать первом веке кровавых фильмов, на это было наплевать. Даже радовало то, что у Туземной кавалерийской дивизии была репутация дикой и необузданной. Противника начинал охватывать ужас, когда они узнавали, что на их участок фронта прибыла «дикая» дивизия. Из-за этой репутации, которая достигла и Петрограда, я и тащу с собой с фронта в столицу Ингушский полк. Может быть, зря, когда в дело вступил такой специалист, как Николай Павлович. Он-то сделает всё тихо, как говорится, без шума и пыли, а джигиты, эти неуёмные дети гор, зальют столицу кровью. В голове зазвучала мысль: эх, знать бы прикуп, жил бы в Сочи. Кто знает, как всё выйдет? Может быть, именно джигиты вытащат неумех-попаданцев из этой непонятной ситуации. В которой мне всё ещё неясно, как действовать. История сделала кульбит, и Россия пошла по не ведомому мне пути. Будучи великим князем, я худо-бедно, но всё-таки знал вектор исторического развития моей родины. А став императором, был в полной прострации от ощущения нереальности происходящего и незнания, что же теперь мне делать.

Поклевав себя за растерянность и признав, что первое лицо государства не имеет права на такие слабости, я нажал кнопку звонка, вызывая в этот бронированный кабинет Первухина. Вот у кого не было и капли растерянности, несмотря на то что его судьба полностью изменилась. Теперь он стал не Димка «сукин сын», а их благородие господин поручик. Поручиком-то он стал, но вид его мало изменился. Даже стал ещё нелепее. К тельняшке, громадным синим галифе и сапогам со скрипом добавились погоны поручика. Дима их просто пришил на чёрную кожаную лётную куртку. К ней же был пришпилен Георгиевский крест. Особую пикантность этому наряду порученца императора придавала болтающаяся громадная деревянная кобура маузера. Сам Дима очень трепетно относился к своему наряду. Считал, что как только он начал носить тельняшку, кожаную куртку и галифе, то жизнь простого деревенского парня пошла резко в гору. Я не возражал против изысков новоявленного модника, и на это было две причины. Одна – сугубо меркантильная: своим петушиным видом Первухин приковывал всё внимание окружающих людей, включая и террористов, а я в этот момент мог оградить себя от многих опасностей. Вторая причина была связана со всё ещё присутствующей во мне неуверенностью. Всё-таки я человек из другого времени, а вдруг в этом времени такие наряды в пределах допустимого? Вон, Хватов только улыбался, глядя на наряды Первухина. Да и у самого великого князя в его особняке в Петрограде в гардеробе висели такие наряды, что я, осматривая их, всё удивлялся, как может серьёзный человек надеть такой петушиный наряд. То ли дело полевая форма цвета хаки – пускай и неудобная для человека двадцать первого века, но зато выглядевшая солидно и как-то привычнее для меня.

Хмыкнув над Первухиным, который даже в хорошо протопленном вагоне оставался в кожаной куртке, я потребовал чаю с давешними пирожками. Я был уверен, что в Луцке Дима ими запасся – знал парень, чем порадовать своего босса. И действительно, через несколько минут дверь, как это бывает в обычных поездах, сдвинулась, и в мой теперешний кабинет вступила целая процессия из трёх усатых мужиков. Первым важно вышагивал Первухин, неся на вытянутых руках кастрюлю, замотанную полотенцем, затем шёл боец спецгруппы, теперь уже прапорщик Угрюмов с самоваром, а замыкал процессию пулемётчик спецгруппы, пару дней назад бывший ефрейтором, а теперь подпрапорщик – Лукин. Он нёс большой поднос, заставленный вазочками с вареньем и большой фарфоровой кружкой. Я в очередной раз хмыкнул и подумал: во как происходит чаепитие императора всея Руси. Даже подносы офицеры таскают. А со званием ниже унтер-офицера скоро будут доверять только задницу императору подтирать. Ладно, сам виноват, что позволяешь «рыжей бестии» так измываться над боевыми ребятами. Георгиевскими кавалерами, между прочим. Как Димыч получил поручика, так важный стал, всё норовит другими командовать. Но все эти мысли о зарвавшемся Первухине не помешали мне благосклонно кивнуть «рыжей бестии» и указать на малый стол, который нужно было освободить для предстоящего чаепития. Этот ритуал, скорее всего, был завершающим в этом путешествии из Луцка в Петроград. Как доложил Максим, часа через три мы должны были прибыть в столицу. Вот и требовалось привести мысли в порядок и поставить точку в сумбурных метаниях своего во всём сомневающегося рассудка. В конце концов, я победитель и место императора занял законно, по всем канонам престолонаследия.

Глава 2

Всё время, пока пил чай, вспоминал слова барона Штакельберга. Барон специально прибыл из Могилёва для встречи со мной. Он состоял при ставке и был главным церемониймейстером. Именно Рудольфу Александровичу Николаем Вторым было поручено провести процедуру законного восхождения на трон императора Михаила Второго. А там было всё непросто. Из почти трёхчасового разговора мне запомнились следующие слова барона:

– Следует отметить, что отречение царя как юридическая процедура не прописано в законах Российской империи. Тем не менее император самодержец,

как источник власти в России, своим решением может изменить законы Российской империи или сделать из них исключение, в том числе и в вопросе сложения с себя полномочий, передачи власти или определения порядка престолонаследия. То, что один государь-император установил, другой может изменить. Император Петр Первый установил в 1722 году Закон о престолонаследии, отменивший установление великого князя Димитрия Донского о передаче престола старшему сыну, и определил, что наследника назначает правящий император.

А ещё Штакельберг меня озадачил, сказав:

– Передав престол брату, великому князю Михаилу, император Николай Второй сделал исключение из законов Российской империи, но не отменял их. В соответствии с этими законами, сын великого князя Михаила Георгий, рожденный вне брака, не может наследовать отцу, поэтому наследником по-прежнему должен оставаться цесаревич Алексей.

Водопадом слов и юридической казуистикой Рудольф Александрович совсем меня запутал, но я всё равно нашёл логическую неувязку и спросил церемониймейстера:

– Но как я прочитал в манифесте, Николай Второй отрёкся не только за себя, но и за цесаревича Алексея?

На что тут же последовал ответ:

– Ваше право, после того как вступите в права императора, выпустить свой манифест, где наследником провозгласите своего сына Георгия. То, что на момент его рождения вы ещё не были в браке, усложняет дело, но не более того. Всё-таки вы с графиней Брасовой венчались по православным канонам, и в конечном счёте семья Романовых признала этот брак и то, что Георгий ваш сын.

Ну что тут скажешь, без литра шустовского коньяка в этой казуистике не разберёшься. Вот я и не стал углубляться в вопросы престолонаследия. А стал выпытывать у барона, что же делать мне, чтобы соблюсти все правила восхождения на престол. И лекция по казуистическим коридорам престолонаследия продолжилась, барон заявил:

– Документ, свидетельствующий о сложении государем своих полномочий и передаче их наследнику престола, должен называться манифестом и обладать всеми необходимыми в этой ситуации реквизитами. По законам Российской империи, любой манифест императора вступает в силу только тогда, когда был оглашен и утвержден в Сенате и опубликован по поручению императора в правительственной газете. Только после публикации манифеста императора о передаче власти одновременно с публикацией манифеста нового государя о вступлении на престол, оба документа обретают силу.

Из этой лекции я понял, что мне, чтобы обрести легитимность, ещё нужно выпустить манифест и утвердить его в Сенате. Только после этого я становлюсь настоящим императором и могу именовать себя Михаилом Вторым. Так что получается, что я неправомерно подписывал документы под именем Михаила Второго. В частности, приказы командующим армиям, наградные листы и повышал в званиях своих соратников. Но почему-то весьма высокопоставленные генералы, вроде Брусилова или там Безобразова, без разговоров брали эти приказы для исполнения. А обычные офицеры делали всё возможное, чтобы наилучшим образом исполнить волю нового императора. Ни у одного генерала или офицера не возникало даже мысли, что царь не настоящий, что чтобы стать настоящим владыкой, ему нужно ещё утвердить какой-то там манифест в Сенате. Традиционную коронацию в Первопрестольной, люди считали, провести нужно, но только тогда, когда обстановка на фронте нормализуется. А сейчас, после отречения Николая Второго за себя и цесаревича и согласия брата его Михаила принять скипетр, все считали, что Михаил – истинный помазанник Божий и легитимный император. И никто даже и не думал об утверждении этого решения Сенатом, опубликовании манифеста о смене монарха в прессе и прочей чуши. Народ считал смену монархов Божьей волей, и не дело смертных влезать в промысел Господа нашего. Ну, а я, как законопослушный человек из двадцать первого века, посчитал, что регламент нарушать нельзя и нужно действовать, как считает правильным главный церемониймейстер. Вот ему я и поручил проведение всей работы по легитимной передаче скипетра из рук Николая Второго в мои.

Рудольф Александрович, как и многие другие генералы и чиновники, которые как навозные мухи слетелись в Луцк, чтобы засвидетельствовать Михаилу своё почтение, ехали в первом поезде моей, так сказать, железнодорожной кавалькады. Следом двигались три эшелона, загруженные продуктами. Которые всё-таки умудрился направить из Ковеля полковник Хватов. Затем шли эшелоны, перевозившие мою силовую поддержку – Ингушский конный полк, автомобили и десантников мехгруппы и пехотный полк бывших гвардейцев, который я взял в

Особой армии. Этим, конечно, уменьшил небольшие резервы Особой армии, но посчитал в сложившейся ситуации это оправданным. После потери Ковеля и отбитых атак германских дивизий противник будет ещё долго зализывать свои раны. А для Австро-Венгерской империи эти раны, может быть, и смертельные.

Так что я не зря провёл все эти дни в Луцке. И теперь ехал в столицу подготовленный к любому развитию ситуации. Больше всего грели душу три эшелона, под завязку загруженные продовольствием. Это был главный аргумент, чтобы сбить социальное напряжение уставшего от войны народа. Нет, конечно, сладкие речи и пропаганда в пользу монархии должны присутствовать, но материальное подтверждение того, что царь заботится о своём народе, будет очень кстати. Все продукты я собирался безвозмездно раздать населению Петрограда. Правда, боялся, что во время раздачи продуктовых наборов может повториться трагедия Ходынского поля. Это когда в Москве после коронации начали бесплатно раздавать памятные кружки, так этот процесс был организован настолько безобразно, что в давке за копеечными кружками погибло и было покалечено очень много людей. Поговаривали о нескольких сотнях трупов. Очень нехороший был знак начала царствования Николая Второго. Я такого начала царствования Михаила допустить не мог. Ради этого даже отложил на сутки отъезд императора в столицу. Нужно было отпечатать открытку с обращением Михаила Второго и с отрывными талонами на получение продуктов, а также обучить бывших гвардейцев сдерживать толпу, рвущуюся, чтобы получить вожделенную открытку. По моему рисунку в железнодорожных мастерских изготовили и несколько десятков металлических волнорезов, чтобы сдерживать и направлять толпу к месту, где гвардейцы будут выдавать любому обратившемуся открытку с отрывными талонами. Сами талоны будут отовариваться в продуктовых лавках на окраинах города. Отоваривать их будут в течение трёх дней, и не персонал продуктовых лавок, а всё те же гвардейцы. Продукты туда будут завозиться автомобилями мехгруппы. Какие лавки будут участвовать в этой акции, должен был определить Кац. Я ему отправил по этому поводу телеграмму. Отпечатано было сто тысяч открыток. Их количество было определено очень просто: из расчёта полпуда продуктов на открытку. Именно столько по весу продуктов было загружено в вагоны.

Конечно, для такого громадного города, как Петроград, сто тысяч продуктовых наборов было чертовски мало. Тем более, и это почти наверняка, продукты в большинстве своём попадут не на столы обездоленных людей, а их хапнут самые энергичные и наглые жители столицы. Как это часто бывает в людском водовороте, самые ушлые и наглые успеют перекрутиться и получить не одну открытку, а несколько. Так что можно ожидать на продуктовом рынке у барыг

продукты, привезённые из Ковеля, которые жители Петрограда должны были получить бесплатно. Всё это я понимал, но бороться с шустрыми пройдохами было бесполезно, да и незачем. Мы их задавим объёмами поставок из Ковеля. Устанут дёргаться, тем более следующие талоны на продуктовые наборы я планировал раздавать работникам оборонных предприятий Петрограда. И не только столицы. Эшелоны с трофейным продовольствием должны будут отправляться в самые значимые города европейской части империи. Туда, где значительную силу набрал пролетариат. То есть по существу выполнять разработанную с Кацем стратегию. Казалось бы, вектор истории изменился, и теперь после смены монарха России не грозили революции и гражданская война, но я всё равно боялся, что, даже пожертвовав своей свободой и загрузив себя разлагающейся тушей империи, не смогу соответствовать сану императора. Терпящий унижение и нужду и уже заражённый бациллой неповиновения правящему классу, пролетариат не почувствует изменения отношения к нему. А разного рода пропагандисты внушат людям, что царь ведёт страну по старому пути, и сметут такого правителя. Чтобы избежать такого развития событий, я и хотел этому пролетариату хоть немного облегчить жизнь и показать, что император думает о простом человеке. Может быть, это и наивно, но именно такие у меня были представления. Я совершенно не думал о каких-то политических преференциях и считал – сейчас не время ослаблять центральную власть. Вот выиграем войну, тогда можно пойти на политические нововведения. Сделаю конституционную монархию и буду жить как белый человек – как в двадцать первом веке живёт английская королева. Пускай себе лоб расшибают премьер-министры, а я, загорая где-нибудь в Крыму, буду иногда грозить им пальчиком, если они уж очень зарываются. Вот такие у меня были мечты в нынешней реальности. Но мечты мечтами, а проклятая реальность всё ещё угрожала, что если расслаблюсь, то история сползёт в прежнюю колею своего развития, и придётся мне всё-таки знакомиться с достопримечательностями Перми. Вернее, нет, на этот этап история уже не выйдет. Я уже Пермь перерос теперь, если буду вести себя так же, как Николай Второй, мне грозит уже расстрельная комната в Екатеринбурге. Представив такой вариант событий, я даже вздрогнул и подумал: ну уж нет, такого не будет! Это у Николая Второго был комплекс божественной сущности своего места, а у меня нет такого. Буду биться до конца и не дам чёрным силам изгадить мою мечту. Пускай она и мелкая и не возвышенная, но моя.

Всплеск эмоций заставил с силой сжать кисть руки, в которой держал кружку с чаем. Фарфор не выдержал, и я получил прочищающий мозг чайный душ. Хорошо, что чай был уже еле теплый, и я получил только мокрое пятно на бриджах, ну и кучу фарфоровых осколков на ковре. Да, вот именно, я

путешествовал как падишах, в самом большом отсеке этого броневагона на полу лежал персидский ковёр. Да что там ковёр, любая мелочь кричала о том, что здесь находится очень крутой чувак. Если бы я в двадцать первом веке имел хотя бы часть этих вещей, то мог бы вообще никогда в жизни не работать. Да один письменный прибор с серебряными медведями, работы Фаберже, наверное, стоил больше, чем я мог бы заработать в НИИ мозга за много лет. Мокрые штаны и окружающая меня роскошь заставили очнуться, вспомнить, кем я сейчас являюсь и что мне предстоит менее чем через два часа. Предстоит первое появление нового императора на публике и обнародование манифеста о том, что Михаил принимает из рук брата своего скипетр, ну и разные другие слова, которые я так и не заучил. Если прямо сказать, то и не старался, А зачем? Имеется текст манифеста на бумаге, его и зачитаю. Всё равно ведь публика не будет особо видеть нового императора – ожидалось присутствие массы народа на большой площади возле Николаевского (Московского) вокзала.

Я пару дней готовился к этому мероприятию, не в смысле написания манифеста и его разучивания, а как технический специалист НИИ мозга. Занялся тем, к чему меня всё время тянуло – к работе над какой-нибудь проблемой с электрическими устройствами. А проблема в предстоящей встрече с подданными у Михаила явно намечалась – нужно было при большом скоплении людей прокричать не просто призывы и лозунги, а произнести, громко и внятно, свой манифест как будущего правителя России. И не дай бог там что-нибудь напутать – заклюют и справа, и слева, и из-за границы. Вот я и решил ошеломить публику установкой громкоговорителей перед трибуной и по периметру площади. В этом времени это была невозможная вещь. Даже в Англии, Германии и Соединённых Штатах Америки, самых передовых странах этого времени, большой радиофицированный митинг вряд ли был бы возможен. Просто-напросто не было нормальных микрофонов, усилителей хотя бы ватт на пятьдесят, и мощных громкоговорителей. Из микрофонов имелись паршивенькие угольные, усилители если и были, то очень слабенькие, ну а из имеющихся в быту громкоговорителей можно было слушать только патефон, да и то в небольшой комнате. Вот я и задумал решить эту проблему и утереть нос всяким там Эдисонам. Усовершенствовать уже имеющиеся угольные микрофоны я не стал – слишком муторно и требовалось нормальное производственное помещение, оборудование, а самое главное, квалифицированные помощники. Всего этого не было, а из помощников было только трое бойцов мехгруппы. Правда, ребята были рукастые и не раз мне помогали в усовершенствовании существующей в этом времени техники. Именно им я поручил изготовить новые антенны искровых радиостанций. Идея и рабочие чертежи были мои, а ребята претворяли всё это в жизнь. Вот и в Луцке я нарисовал схему и объяснил

технологию изготовления изделия, а мотал катушку из медного тонкого провода Михалыч, паял Юрик Глазов. Очень хорошо у него это получалось. Изготовили мы совместными усилиями ни много ни мало, а конденсаторный микрофон, прообраза которого в этом времени ещё не было. В нем преобразование звука в электрический сигнал происходило не за счет изменения сопротивления, а в результате изменения емкости. Следом уже при моём непосредственном участии был изготовлен невообразимый в этом времени мощный (в районе трехсот ватт) ламповый усилитель. И микрофон, и усилитель мы сгоношили всего за один день. Громкоговорители по моей схеме ребята делали ещё один день. Я только проверил их на работоспособность. Как ни странно, эти динамики, изготовленные из обрезанных граммофонных труб, работали вполне нормально. Искажение голоса было, но не критичное. Всё-таки неплохо я в своё время натренировался на изготовлении крысопугалок. Именно на доход от этой деятельности приобрёл самую ценную свою вещь – мото цикл. И не абы какой, а «Харлей». Крутым пацаном хотел быть, чтобы девчонки млели, когда видят, как я рассекаю по единственной в Пущино приличной дороге на дорогущем мотике. А теперь вон самодержцем собираются сделать, а я мандражирую даже прилюдно объявить об этом.

Вот так я подготовился к бенефису с выходом к почтенной и не очень публике. Для радикальных элементов и террористов было подготовлено ещё одно ноу-хау этого времени – снайпера на крышах вокзала и близлежащих к привокзальной площади домов. Такая команда снайперов, очень хорошо себя зарекомендовавшая при штурме укрепрайона, была. Проверенные в деле стрелки, и должны были занять позиции на крышах домов и вокзала. Я продолжал опасаться действий агентуры Германии. Наверняка ведь у германского Генштаба остались активные штыки в Петрограде. Аналитики столь мощного вражеского ведомства наверняка просчитали, сколь опасен для их страны новый император России. И они пойдут на всё, чтобы устранить такую угрозу для Германии. Финские егеря ещё остались в столице, а они стреляют очень хорошо. Ладно, сейчас я справлюсь с угрозой, но вообще-то нужно что-то делать с финскими патриотами. А их там полно, вон немцы набрали целый батальон финских добровольцев и это только тех, которые сорвались с тёплых мест и через шведскую границу, неся крупные финансовые затраты, смогли добраться до Германии, чтобы умереть за освобождение от русского гнёта горячо любимой родной Финляндии. Даже крупной войсковой операцией не зачистишь княжество от таких людей, только обозлишь всё население Финляндии и получишь полноценную партизанскую войну.

В общем-то, меня вопрос подрывных действий финских националистов мучил давно. Ещё с той поры, когда спецгруппа под командованием тогда ещё прапорщика Хватова в имении Липки ликвидировала добровольцев финнов из Прусского Королевского батальона егерей № 27. Тогда я и начал думать, как бы избавиться от радикально настроенных финнов, родина которых находилась в опасной близости от столицы. Я узнал, что по данным Департамента полиции, в Финляндии активно вела деятельность сепаратистская организация «Войма», насчитывавшая до десяти тысяч человек, и так называемая Красная гвардия. У одного из наших с Кацем информаторов, работающего в охранном отделении, я узнал, что к их ликвидации принимались только формальные меры. Одновременно в княжестве активно действовали русские революционеры. Поскольку на финскую полицию в борьбе с подрывными элементами рассчитывать не приходилось, было предложено ввести жандармский надзор. Но это оставалось только в намерениях. В реальности же всё было отдано на откуп генерал-губернатору Зейну, занявшему этот пост ещё в 1909 году. В общем-то, генерал-губернатор Зейн был предан монархии и не помышлял об отделении великого княжества от Российской империи. Важной проблемой для генерал-губернатора оставался вопрос о борьбе с революционным движением на территории Финляндии. И у него никак не получалось с этой задачей справиться. Я тоже не знал, как, особенно во время войны, решить такую, можно сказать, неподъёмную задачу.

Когда Николай Второй отрёкся, проблемы с безопасностью столицы вышли у меня на первый план. Положение на фронте, после взятия Ковеля и нанесения поражения пришедшим на помощь австрийцам германским дивизиям, принесло спокойствие на всех фронтах, а не только Юго-Западном. Получили германцы по мозгам хорошо, и сейчас притихли. И это несмотря даже на непростую обстановку в самой Российской империи. Об этом мне доложил исполняющий обязанности главнокомандующего после отречения Николая Второго генерал Алексеев. Но я не верил, что наш основной противник успокоился. Наверняка германский Генштаб готовит новую каверзу против моей родины. И в ней основной упор делается не на действия полевых армий, а на пятую колонну. А значит, будут активизировать свою агентуру и усугублять все проблемы, которые имеются в России. Недовольство рабочих можно притушить поставкой продовольствия из Ковеля. Не бог весть что, но этим я надеялся сломать инспирированную врагами волну слухов о нехватке продовольствия. На самом деле продовольствия в Сибири и на Кубани было полно. Проблема была только в доставке этих продуктов в промышленные центры. Акты саботажа начали разрастаться на железных дорогах. За короткое время навести порядок на железных дорогах не представлялось возможным. Мы с Кацем долго думали над

этим вопросом, но пришли к выводу, что, не имея квалифицированных кадров и времени, не имеет смысла силами уже довольно прогнивших силовых ведомств бороться со случаями, в общем-то, не очень заметного саботажа. С заметными и крупными жандармерия боролась, а на мелкие практически всё начальство смотрело как на безалаберность и разгильдяйство. Зачастую так оно и было, на это и был расчёт у истинных организаторов саботажа. Эти люди, пользуясь тем, что они сидели на высоких должностях, злонамеренно попустительствовали разгильдяйству и мелким нарушениям. Даже финансово стимулировали такое поведение работников железной дороги. Основываясь на данных, полученных от Родзянко, Кац пришёл к неожиданному выводу, что следы такого поведения руководителей железной дороги ведут к великому князю Николаю Николаевичу. Когда тот был главнокомандующим, железные дороги функционировали более-менее нормально, а когда Николай взял на себя эту роль, работа железнодорожного транспорта начала ухудшаться. На фронте положение улучшилось, а вот в тылу настроения стали ухудшаться. Парадокс, но Кац, автор этого вывода, сам состоял из сплошных парадоксов. Может быть, поэтому его выводы, как правило, оправдывались. Например, отношения между сотрудниками нашего НИИ мозга были весьма запутанные. Мне абсолютно было непонятно, кто кого уважает, а кого терпеть не может. На словах и в личных отношениях люди были милые и приветливые, а на самом деле в нашей богадельне кипели поистине шекспировские страсти. Кто-то кого-то подсиживал, пытался любым способом извести соперника, некоторые крутили любовные романы, и не с одним партнёром. Встречались и упыри, питающиеся чужими страданиями и бедами. И всё это присутствовало в, в общем-то, небольшом коллективе, а тут громадная страна с интересами многих групп людей. Сам чёрт ногу сломит, не говоря уже обо мне. А вот Кацу с его парадоксальным мышлением всё было нипочём. Он так же, как в нашем НИИ, высвечивал мне самые запутанные и тёмные стороны жизни. И я ему верил, как и в той реальности. По поводу теории, что это великий князь Николай Николаевич, а не какие-то германцы, является вдохновителем и крышей чиновников, занимающихся саботажем, я спросил своего друга:

– Как же так, ведь Николай Николаевич сам является представителем дома Романовых и кровно заинтересован в победе России в войне? К тому же превозносящий его полководческие таланты Родзянко реально пытается наладить работу железных дорог. Если бы Николай Николаевич действительно был вдохновителем бардака на железных дорогах, то Родзянко бы помалкивал. По существу председатель Госдумы и великий князь дуют в одну дуду и не будут вредить друг другу.

На это моё замечание Кац ответил:

– Сразу видно, Михась, что не крутился ты в академических кругах, а так бы знал, что, казалось бы, очень интеллигентные люди роют друг другу такие ямы, что даже Макиавелли позавидовал бы. В нашем случае речь ведётся об очень большом куше, о монархии. Что значит для великого князя судьбы миллионов людей, когда он почувствовал, что Николай Второй не держится за трон и тот качается? Немного подтолкнуть процесс, и скипетр сам упадёт в руки, как перезревший плод. Он и его сторонники даже не представляют, что они запускают такой процесс, который их самих сотрёт в порошок. Так что, Михась, нужно остерегаться великого князя Николая Николаевича и не искать союза с ним. Он один из главных виновников того кошмара, в который попала Россия в двадцатом веке.

– Да ладно, Кац, что-то тебя не туда заносит. Приравнять великого князя к агенту Вильгельма – это полный маразм. Он, считай, с начала войны до лета шестнадцатого года был главнокомандующим, и многие победы русской армии достигнуты при нём. Конечно, провал пятнадцатого года висит на нём чёрным пятном, но не забывай, что именно он не допустил полной катастрофы и остановил отступление русской армии. А от провалов не застрахован ни один, даже великий военачальник – это тебе не игра, а настоящая война.

– Да никто и не говорит, что он работает на Германию. Николай Николаевич прежде всего служит себе любимому и думает о своём величии. Но так получается, что его намерения идут вразрез с нашими целями. Пока расходятся только цели, но скоро он станет большим препятствием для недопущения сползания России в выгребную яму истории. Его нужно устранить.

– Да ты что, с дуба рухнул? Как, интересно, мы можем ликвидировать великого князя? Ты или я участвовать в покушении априори не можем. Подключить бандитов Сэмэна тоже не вариант, к следствию будут подключены самые лучшие сыщики жандармерии, и они быстро выйдут на заказчиков этого экса. В жандармерии ещё остались очень крутые профессионалы, и вычислить тебя им будет по силам. А Михаила ни в коем случае светить нельзя, это будет катастрофа для всего нашего дела.

– В этом я с тобой полностью согласен. Но свет клином не сошёлся на бойцах Сэмэна, имеются ещё радикально настроенные финны. Задание уничтожить великого князя будет для них понятно и встречено одобрительно. К тому же они

хорошо подготовлены немцами именно для устранения видных русских политических деятелей. Не зря я настоял, после того как ликвидировали полковника Матюхинена, чтобы ты не трогал его боевую группу, сведения о которой нашёл в бумагах германского резидента Сэмэн. Пароль, адрес и телефон связного у меня есть. Вот я с ним и встречусь, чтобы поручить группе провести этот экс. Когда дело будет сделано, ребята Сэмэна при очередной нашей встрече со связником устранят его. После этого какими бы гениальными сыщики ни были, на нас они не выйдут.

– Хм, устранить великого князя Николая Николаевича было бы неплохо. Воздух станет чище вокруг императора. Глядишь, Николай Второй не пойдёт на отречение. Да и другие великие князья подожмут хвосты и не решатся на убийство Распутина. Ну что же, Кац, я согласен на твоё предложение. Но только всё должно быть сделано чисто, и даже намёк на то, что какой-нибудь след ведёт в сторону Михаила, должен быть исключён.

– Ясен пень, следы будут указывать на финских националистов-радикалов.

– Что, на месте экса они свои визитные карточки оставят?

– Ну, если ты говоришь, что дело будут вести гении сыска, то для них оставят. Там гильз будет море, не исключено, что могут быть убитые и раненые террористы.

– С чего бы это? Нападать-то будут обученные люди – хорошие стрелки. Отстреляются по-быстрому и свалят куда подальше.

– Так Николай Николаевич передвигается сейчас даже по городу с охраной. Иногда его сопровождают до десяти казаков. В этом, кстати, ты виноват. Именно после того, как на великого князя Михаила Александровича было совершено нападение у Исаакиевского собора, Николай Николаевич начал ездить с такой большой охраной.

– Десять казаков – это серьёзная охрана, тем более если они бывали в боях. А по информации, которой я располагаю, все казацкие подразделения, дислоцированные сейчас в Петрограде, сформированы из ветеранов. А смогут ли тогда финские егеря достать великого князя? Просто пострелять по его экипажу – это ерунда, нужно гарантированно уничтожить такую серьёзную

помеху нашим планам.

– Думаю, подготовленные немцами финны справятся. К тому же состав группы Матюхинена не маленький и состоит из девяти побывавших в переделках бойцов. И вооружены они прилично, имеется даже пулемёт.

– Ладно, Кац, работаем – обнуляем вариант с противодействием Николая Николаевича. Как говорил незабвенный Коба: нет человека, нет проблем. Кстати, нужно найти Иосифа Виссарионовича, он сейчас в ссылке где-то в Туруханском крае. Глядишь, удастся его убедить поработать на новое правительство. А нет, тогда тоже обнулить – не нужны нам в тылу такие монстры. И вообще, нужно составить список наиболее деятельных людей, оставивших свой след в истории, которые сейчас еще молодые и никому не известные. С каждым из них нужно провести беседу и постараться переманить на нашу сторону. Это будет наш кадровый резерв. Если они смогли вытащить Советский Союз из той кошмарной ситуации, которая образовалась после революции, провести индустриализацию и выиграть войну с Германией, то такие люди нам нужны. Не имеем мы права разбрасываться такими людьми. И этим вопросом должен будет заняться твой Комитет по национальной политике. Вот какая у него на самом деле будет задача. А утряска межнациональных отношений – это дело будущего, если победим, конечно.

– Что-то ты сильно размахнулся, Михась. Привлечь на нашу сторону людей, которые в большинстве своём ненавидят монархию, это полный бред. Да к тому же мы не специалисты-историки и знаем очень небольшое количество таких людей.

– Вот и давай переманивать под знамя реального, мирного изменения России тех людей, которых мы сможем вспомнить из нашей истории. Я, например, был бы не против привлечь на нашу сторону таких людей, как Будённый, Чапаев и других будущих командиров Красной Армии. Даже Тухачевского, к которому много вопросов, готов принять. Звания у них сейчас маленькие, политические убеждения неустойчивые, и думаю, упираться в том, чтобы служить императору, имея в перспективе хорошую карьеру, никто из них не будет. Вот жалко, что Фрунзе, являющегося в настоящий момент профессиональным революционером и не удастся привлечь на службу в царскую армию.

– Ты что, готов принять на службу даже Ленина и Троцкого?

– Ну, эти ребята за границей, и если бы даже мы смогли до них дотянуться, я сомневаюсь, что такую личность, как Ленин, можно убедить, что монархия принесёт благо людям и государству. Фанат он и, по-видимому, дал клятву, не знаю какую и на чём, что уничтожит монархию, которая повесила его брата. Троцкий несколько другой. Умный и хитрый, думаю, с ним можно было бы договориться, но за очень большие деньги, которые, полагаю, лучше пустить на производство «Катюш» и напалма. Всё равно ведь этот деятель будет думать о своём величии и смотреть налево. По крайней мере, новое оружие поможет продержаться России до капитуляции Германии. А будущие великие деятели большевиков – нет. После победы России в этой войне, присоединения Константинополя и начала поступления репараций всякие там Ленины и Троцкие не будут иметь значения. Пускай создают социал-демократическую фракцию большевиков в Госдуме и борются там за права пролетариата. Я мешать этому не буду, ради бога, имеют право.

– Ты готов позволить им это, даже зная историю нашего времени? Это же монстры, из-за них погибли миллионы людей.

– Монстры, монстры… а деятели «белого» движения – святые, что ли? Все по уши в крови. Гражданская война – это брат против брата, да ещё замешанная на классовой борьбе. Жуткий замес получился. Вот и нужно не допустить этого безумия. Самых энергичных и удачливых красных постараться привлечь на сторону Михаила, а наиболее одиозных белых взять на заметку и контролировать, чтобы они не издевались над нижними чинами. Жёстко приструнить, одним словом, вплоть до отдачи под трибунал или разжалования за такие проступки. Ладно, Кац, я на фронт уезжаю, и именно тебе и вновь созданной конторе придётся заниматься этими делами. Постараюсь помочь кадрами. Прислать человека, гениально разруливающего конфликты. По крайней мере, в моей долговременной памяти зафиксировано мнение Михаила об этом человеке. Вот его я пошлю для налаживания эффективной работы Комитета по национальной политике. Записывай – полковник Попов Николай Павлович. Если он сможет поставить работу Комитета так же, как обстоит дело с кадрами и межнациональными отношениями в Туземной дивизии, то у нас половина головной боли пропадёт. Твоя задача – встретить его, поставить задачу, выделить финансы и больше не вмешиваться. Николай Павлович дальше будет действовать сам и решит все вопросы. Цени, парень, лучшие свои кадры тебе отдаю.

После этого возгласа и обоюдных смешков серьёзный разговор закончился, и началось обычно принятые у нас с Кацем шуточки по поводу ситуации, в которую мы попали. Пожалуй, это было единственное средство в нашей ситуации против уныния и психоза, который наверняка бы охватил людей из двадцать первого века, оказавшихся в начале двадцатого.

Вспомнив о той хохме, которую тогда выдал Кац, я чуть снова не засмеялся. Только мысль о том, что мне предстоит буквально через три часа, и опасности, которые могут подстерегать, когда практически всё высшее руководство воюющей страны соберётся на привокзальной площади. Самое время вылезти различным радикалам и засланным в Петроград агентам и боевым отрядам германского Генштаба. В этой ситуации несколько успокаивали снайпера ротмистра Хохлова, которые должны были разместиться на крышах близлежащих домов и вокзала. А также весьма боевой настрой полиции и жандармерии. Эти ведомства уже десять дней буквально стояли на ушах в поисках террористических групп. И всё это было связано с убийством великого князя Николая Николаевича.

Да, наш с Кацем план по устранению великого князя полностью удался. Все следы вели к финским террористам, прошедшим обучение в Германии. Эту информацию охранное отделение смогло выдавить в процессе допросов двух захваченных ранеными финских добровольцах, прошедших обучение в германской армии. У великого князя Николая Николаевича не было шанса выжить под градом пуль, обрушившихся на его экипаж. Практически все казаки, охранявшие великого князя, тоже погибли. К счастью для правосудия, в дело вмешались юнкера под командованием поручика Симонова, которые неподалёку проводили свои учения. Ведь Николай Николаевич направлялся в Офицерскую стрелковую школу, расположенную в окрестностях Ораниенбаума, и именно на подъезде к ней террористы устроили засаду. В завязавшейся перестрелке юнкера положили большинство напавших на великого князя террористов, двоих ранили и арестовали. Самого Николая Николаевича спасти не удалось. Всю эту информацию я почерпнул из газет, которые приказал принести мне, после того как прибыл в Луцк.

Эта новость, которая занимала первые полосы газет, не то чтобы меня обрадовала, а принесла удовлетворение качеством нашего с Кацем планирования. А ещё я почувствовал облегчение, во-первых, что такая непростая акция удалась, а также понял смысл одной из телеграмм, присланных Кацем в моё отсутствие. Я, когда просматривал телеграммы, долго гадал, что

означает текст одной из них: «Обнуление прошло, как задумывали». А ещё я понял, читая газеты, что ликвидация великого князя Николая Николаевича сплотила элиту империи. После смерти Николая Николаевича и отречения Николая Второго Михаил остался единственным претендентом на престол. Ведь достаточно большая прослойка военной и политической элиты была настроена короновать Николая Николаевича, да и сам он хотел стать императором. Для этого и инспирировались различные трудности и возмущения, как среди населения, так и в Госдуме. Копали под Николая Второго качественно и практически достигли своих целей – императора всё-таки морально сломали, Госдума фактически была под контролем Родзянко, весьма позитивно настроенного к Николаю Николаевичу, цесаревич не жилец, а следующий по очереди легитимный наследник престола, Михаил, вряд ли согласится стать императором. Гуляка он и балбес: шашкой помахать и подраться – это он может, а заняться серьёзной государственной работой – нет. И это знала вся элита. Конечно, война его немного обтесала, но всё равно с опытным Николаем Николаевичем Михаил не сравнится. Ведь Николай Николаевич был главнокомандующим и снят с должности только в результате дворцовых интриг и того, что он выступал против немки-царицы.

Вот какую информацию я прочитал в некоторых, пускай и «жёлтых», газетах. Но даже они, поругивая Михаила, признавали, что теперь, после гибели Николая Николаевича, только Михаил может стать императором. Многие боялись резких движений нового императора, но признавали воинскую удачу Михаила, это показало взятие его кавалеристами неприступных укреплений Ковеля. По поводу операции по взятию Ковеля было много статей, и имперская пропаганда хорошо поработала с этим материалом. В них Михаил представал былинным героем, поразившим своим мечом нечисть, вторгнувшуюся на нашу землю, с которой не смогли совладать целых три полевых армии. А Михаил во главе всего лишь двух кавалерийских дивизий смог. Одним словом, вся российская, да и международная, включая оппозиционную, пресса была настроена к Михаилу, в общем-то, благожелательно и приветствовала вступление его на престол. Даже немецкие (те, которые были мне предоставлены) положительно писали о Михаиле. Приводили воспоминания встречавшихся с ним людей и самого Вильгельма Второго, о том времени, когда великий князь был в гостях у германского императора. В каких хороших отношениях он был с прусским кронпринцем. Высказывалась надежда, что после воцарения Михаила возможны переговоры и примирение двух великих империй. Если эти статьи в газетах выражали мнение германской элиты, то мне не стоило опасаться покушения германских боевых групп. Но мнения политиков – это одно, а действия генералов, по уши втянутых в тайные операции германского Генштаба, – это

другое. Я был уверен, что профессионалы тайных операций не будут менять своих планов в угоду болтовне «штафирок». Вот и я, начитавшись вражеских газет, ни на йоту не уменьшил усилий по обеспечению безопасности предстоящей встречи нового императора с народом.

Глава 3

Когда показались пригороды Петрограда, в голову пришла мысль: после того, как финские радикалы убили великого князя Николая Николаевича, вполне естественно будет, если новый император заменит финского генерал-губернатора. Провинцию рядом со столицей нужно было умиротворять. У нынешнего генерал-губернатора Зейна это никак не получалось. Хотя, казалось бы, он многое делал для борьбы с революционным движением на территории Финляндии. Но это только на взгляд царя и политического бомонда. На мой взгляд, а я заинтересовался этим вопросом после столкновения с финскими егерями, обученными Германией, вся борьба генерал-губернатора с радикалами велась чисто формально. Однозначно финского генерал-губернатора нужно было менять на деятельного человека. В этом была трудность и не только та, что он должен был удовлетворять русскую элиту. Как раз после убийства Николая Николаевича элита согласилась бы на любого боевого генерала. Вот только принял бы народ Финляндии такого царского назначенца? Скорее всего, нет, и количество радикалов Финляндии только увеличилось бы. Изощрённый ум человека из двадцать первого века, перебрав множество вариантов, вроде бы нашёл выход из этой, казалось бы, безвыходной ситуации. Я рассуждал, как обычно, несколько парадоксально, но эта парадоксальность иногда приносила ошеломляющие результаты. Я задал себе вопрос: кто из финнов нанёс наибольший ущерб Советскому Союзу? И тут же на него сам ответил: конечно, Маннергейм. Вот и нужно на него возложить обязанности генерал-губернатора Финляндии – пускай в этой истории поработает на благо Российской империи. Вряд ли Маннергейм откажется от предложения нового императора. Ведь он сейчас хоть и проходит лечение, но всё равно боевой генерал, присягнувший на верность российскому императору. Тем более если его попросит послужить России новый император – в недавнем прошлом его боевой товарищ.

Великий князь Михаил Александрович был хорошо знаком с Маннергеймом, и не только по службе, но и лично – участвовал вместе с рассудительным скандинавом в нескольких застольях. Ведь они ещё в 1915 году, оба были

командирами кавалерийских дивизий и служили в одном корпусе – незабвенном 2-м кавалерийском. Маннергейм тогда был командиром 12-й кавалерийской дивизии, а Михаил – Туземной. Затем, после контузии командира корпуса генерала Хан Нахичеванского, Михаил был назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса, а Маннергейм служил под его началом. В начале 1916 года у командира 12-й кавалерийской дивизии заявили о себе старые раны и болячки, Маннергейм был вынужден уехать на лечение в Одессу. В течение последующих месяцев улучшения так и не наступило, и генерала было решено отправить в резерв. Михаил интересовался судьбой своего подчиненного, даже в долговременной памяти великого князя отложилось, как он тянул с назначением нового командира 12-й кавалерийской дивизии, надеясь на выздоровление Маннергейма. Но война ждать не хотела, готовилась новая большая операция, впоследствии названная Брусиловским прорывом, к тому же 12-я кавалерийская дивизия была передана другому корпусу, и новые беспокойства и заботы захлестнули мозг Михаила. Несмотря на то что 12-я кавалерийская дивизия ушла из корпуса, а старый товарищ по оружию сейчас в резерве, в долговременной памяти Михаила отложилось, что Маннергейм перебрался жить в Петербург. Основываясь на воспоминаниях Михаила, хорошо знавшего Маннергейма, я не сомневался, что он будет встречать нового императора на вокзале, и как генерала, служившего вместе с новым императором, его обязательно приведут ко мне, и тогда, не заостряя внимания окружающих людей, я смогу с ним поговорить и предложить стать генерал-губернатором Финляндии.

Неотвратимость прибытия на Николаевский вокзал и обязанность вести себя как монарх всё-таки угнетала. В этом времени я уже входил в роль и боевого офицера, и капризного аристократа, и даже героя любовника (правда, с женой), но вот чтобы изображать из себя царя я даже и помыслить не мог. А вот приходится влезать и в эту шкуру. Пока надевал парадный костюм генерал-лейтенанта, в голове вертелась песенка из мультфильма моего времени: «Эх, жизнь моя жестянка, ну её в болото!..» Бронепоезд уже притормаживал, подъезжая к главному перрону вокзала, а Первухин всё ещё суетился вокруг меня с небольшой щёточкой, смахивая пылинки с белого мундира. Он так бы и занимался этим до полной остановки вагона, если бы я, порядком раздражённый предстоящей ролью марионетки, не скомандовал:

– Дима, заканчивай! Иди сам оденься, будешь стоять рядом со мной и, как договаривались, внимательно наблюдаешь за окружающими, чтобы своевременно среагировать на опасность. И смотри, оденься сейчас как положено по уставу.

Я знал, что в Луцке Первухин получил комплект парадной формы поручика русской армии. Форму он и должен был надеть, а не веселить почтенную публику своей безразмерной тельняшкой и синими галифе. То, что отправил Первухина переодеваться, было показателем моей нервозности. На самом деле новоявленный офицер мог не торопиться, ведь из вагона мы должны выходить не сразу после остановки бронепоезда, а гораздо позже. Я ставшим уже привычным движением достал свои часы-луковицу. До запланированной торжественной встречи и последующего за ней митинга оставалось чуть более двух часов. За это время Дима вполне мог испачкать парадный мундир, ему ещё предстояло исполнять роль денщика. Ведь меня в этом бронированном купе перед выходом к публике должны были посетить Кац и обер-прокурор Святейшего Синода Раев. А также главный распорядитель всего мероприятия генерал Кондзеровский. Я с ним уже встречался, именно этот генерал провожал меня после визита к Николаю Второму в Могилёв. Только тогда его должность называлась генерал при Верховном главнокомандующем. Так что программа встреч была обширнейшая. Но долгожданная была только одна – с Кацем, конечно. Только с ним я мог сбросить маску и стать тем же самым Мишкой из двадцать первого века. И хоть впервые за долгое время поржать от души и не строить из себя важного и серьёзного господина.

Моя мечта исполнилась через несколько секунд после остановки броневагона. Раздвижная дверь отъехала в сторону, и в проёме показалась фигура секретаря Джонсона. Вот до чего себя довел тотальным самоконтролем – своего ближайшего друга, собутыльника и выходца из того же времени, что и я, даже про себя назвал Джонсоном. Чтобы снять это наваждение, я ухмыльнулся и воскликнул:

– Ты что это, зараза, пришёл с одним портфельчиком! Почему не принес с собой опахало? Сам обещал, что если я приму скипетр, будешь ублажать меня по полной программе. Обмахивать хоть всю ночь опахалом. Чтобы ни одна назойливая муха не могла приблизиться к священному челу императора. На гильотину захотел, смерд презренный?

Сказав это, я тут же громко расхохотался. Мой смех только усилился, когда я детальнее рассмотрел недоумевающую физиономию Каца. Напряжение, которое охватило меня после того, как бронепоезд достиг пригородов столицы, несколько спало, выплеснувшись вместе с гоготом, недостойным императора. А совсем напряжение ушло, когда я, даже неожиданно для себя, порывисто обнял своего друга и соратника. Похлопывая его по спине, спросил:

– Ну как ты тут живёшь-можешь, Кац? Так рад тебя видеть, что ты даже не представляешь! Как обстоят дела с нашим планом производства «Катюш» и напалма? Я тут на фронте осмотрелся и понял, что если Германия возьмётся за нас всерьёз, то наполовину разложившиеся части не остановят германцев. Только ошеломив их применением нового оружия можно остановить железную поступь кайзеровских солдат. Они превосходят нас практически во всех видах военной техники – в артиллерии, пулемётах, бронепоездах. А если у немцев появятся танки, то станет совсем плохо.

– Хватит прибедняться, Михась, уже всем известно, как Юго-Западный фронт остановил наступление свежих германских дивизий. Так наподдал, что у немцев только пятки сверкали. А взятие твоим корпусом Ковеля – это вообще нечто запредельное. Уже сказки детям рассказывают, как могучий воин Михаил наказал неразумных австрийцев.

– Эх, парень! Не знаешь ты то, что я видел и чувствовал. Армия и в самом деле находится в периоде полураспада, не врали историки из нашего времени. Большинство солдат ненавидят гонящих их на убой офицеров, особенно генералов. Для открытого неповиновения не хватает только вожаков. Но это дело времени, как только положение на фронте и в тылу ухудшится, вожаки найдутся. А с чего ему улучшаться? У немцев пушек становится только больше, да ещё плюс к этому аэропланы и газовые атаки, от которых не отсидишься в окопе – достаточное количество противогазов имеется не во всех частях. В вестях из дома тоже ничего хорошего – купцы и благородные жируют, а крестьяне и простые работяги кукиш нюхают. Именно так говорили простые солдаты Первухину, принимая его за своего. Они же не знали, что он денщик генерала, к тому же брата Николая Второго. У меня с Димой отношения хорошие, и он часто выполнял мои поручения по сбору информации о настроениях простых солдат. А что касается успешного отражения наступления германских дивизий, то это локальный успех, связанный со всплеском патриотизма и самоуважения. С желанием быть не хуже, чем кавалеристы, взявшие неприступный до этого Ковель. То есть это минутный порыв, который сегодня есть, а завтра его нет.

– Что же, ты считаешь, что вся имперская пропаганда работает впустую? Да ты знаешь, сколько добровольцев записалось в армию после взятия Ковеля и описания этого события в прессе? Несколько сотен, и это только за один день, сразу после публикации материалов из освобождённого Ковеля.

– Ну и что? Эти добровольцы, попав в учебку, допустим в столице, будут ругать себя последними словами за свой порыв. Через месяц нахождения в перенаселённой казарме, недоедая, глядя на разжиревших снабженцев и слушая пропагандистов, они будут ненавидеть и самодержавие с его гнилым офицерским корпусом, и эту проклятую войну. Заколдованный круг какой-то. Начнёшь энергично, а значит, жёстко наводить порядок в тылу, посыплется фронт, а если тронешь полевые части, случится буча в тылу. Сейчас после Ковеля и отречения Николая Второго Россия вырвала у судьбы несколько месяцев спокойствия. Как на фронте, так и в тылу. Нужно успеть за это время хоть как-то переформатировать властную вертикаль, а также сформировать несколько дивизионов «Катюш». Да хотя бы два-три, чтобы они смогли продемонстрировать Германии мощь русского оружия. Вон на Центральном фронте, по предоставленным мне данным, немцы готовятся провести локальную наступательную операцию – хотят спрямить фронт. Наклёвывается идеальная ситуация для применения «Катюш» и напалма. Рельеф там такой, что при наступлении германцы попадут в лощину, которая станет долиной смерти, если по ней начнут работать пара дивизионов «Катюш». Наверняка наши обычные части не выдержат атаки германцев и оставят позиции. Побегут, как зайцы от стаи собак. Для цели операции эта паника нашей передовой части будет благо – чем больше паника, тем быстрее германцы бросятся занимать намеченные позиции. А перед их вожделенной целью и возникнет долина смерти. Ну а потом классика – удар кавалерии по попавшим в западню германцам. Если всё пойдёт идеально, то кавалеристы сметут не только прорвавшихся немцев, но и зачистят от артиллерии и тыловых частей все бывшие позиции германцев. Для страны такая операция может принести ещё пару месяцев спокойствия. А там, если вспомнить историю из нашего времени, Германия в 1918 году капитулирует.

– Да ты из простого технаря превратился в стратега! Растёшь, Михась! Шапка Мономаха и гены Романовых хорошо на тебя действуют.

– Будут действовать, когда твоя родина стоит перед громадной выгребной ямой истории. Стоит сейчас успокоиться, посчитав, что дело сделано, корона спасена, и эта махина рухнет в выкопанную нами самими яму. А тут ещё ты успокаиваешь, знаешь же, какое положение в стране. Что от малейшего чиха, если в государстве ничего не поменяется, Россия войдёт в неуправляемое пике. Так что, Кац, давай информируй императора, как обстоят дела с новым оружием, да и с другими нашими задумками. Я же считай ничего не знаю. По твоим телеграммам невозможно вникнуть в суть вопроса.

– Хм, ты не свисти своим ребятам – царь-то ты пока не настоящий. Каждый думец знает, что без утверждения Сенатом Михаил не имеет полномочий императора. Ну, это ладно, не бери это в голову, наши думские друзья протащат этот вопрос через Сенат, если даже Николай Второй откажется от своего отречения. Это сейчас пытаются провернуть некоторые силы среди аристократии.

– Какие такие силы? Я с ними солидарен! Это же мечта, чтобы Николай Второй продолжил заниматься этой адовой работой. Выиграть войну мы бы ему помогли, а потом пускай уж сам ковыряется в этом навозе. Сводит сальдо с бульдо, занимается кадровой работой и воюет с Думой. А мы бы с тобой, Саня, оттягивались где-нибудь на Лазурном берегу.

– Хватит мечтать, нужный выбор для блага России уже сделан! Теперь, как говорят одесситы, слушай сюда! Работа по изготовлению «Катюш» и 132-мм осколочно-фугасных снарядов к ним идёт. Это изделие во всех отчётах для конспирации указывается под литерой М-13, то есть такой же, как в нашем времени. Денег, как обычно, не хватает, но сейчас, думаю, ты сможешь потрясти Министерство финансов, и бабло пойдёт. Так же обстоит дело и с напалмом. Кстати, если бы Николай Второй не отрёкся, то все запущенные нами проекты вообще бы встали из-за проблем с финансированием. А так, как пошёл слух, что Михаил станет монархом, англичане перечислили обещанные послом деньги, да и французы начали раскошеливаться на программы создания нового оружия. Не зря ты их посла обихаживал. Американцы, как мне сообщил их посол, направили в незамерзающий порт Романов-на-Мурмане три парохода, загруженных продовольствием и грузовыми автомобилями с повышенной проходимостью «Студебеккер».

– Романов-на-Мурмане – что-то я не знаю такого порта. На каком море он находится, и как будем перевозить этот груз в Петроград?

– В двадцать первом веке этот город называют Мурманск. Позавчера открыто железнодорожное сообщение по линии Петроград – Романов-на-Мурмане. Кстати, несмотря на тяжелейшие условия, дорога была создана всего за двадцать месяцев.

– Видишь, умеют железнодорожники работать, когда припрёт. Вот и нужно их так припереть, чтобы железные дороги начали нормально функционировать. Это что же получается, Кац, у тебя теперь денег куры не клюют, а ты предлагаешь

мне трясти Министерство финансов? Где же твоё англо-саксонское благородство? Или еврейская натура перебила английскую кровь?

– Да иди ты, Михась! Деньги на наши проекты расходуются с катастрофической быстротой. Одно финансирование Сэмэна с его фейковой партией чего стоит. Он за то, чтобы обрубить хвост (ликвидацию связного с финскими террористами связного), двадцать пять тысяч рублей взял, а это чуть ли не десятая часть того, что перечислили англичане. Сэмэн этот по внешнему виду чистый русак, а ведёт себя хуже еврея-ростовщика. Уже начал брать деньги за каждое своё выступление на митинге. Да и каждый тираж газеты фейковой партии стоит как залп дивизиона «Катюш». Одним словом, деньги тают с ужасающей быстротой, и что делать, я не знаю. Отказаться от сотрудничества с Сэмэном нельзя – он реально самородок, к которому тянутся люди. И именно те, которые могут действовать. Если не будет его, эти люди будут вступать в боевые группы противников режима. Хорошо сэкономить можно ещё на производстве ракетных снарядов для «Катюш» – производство сейчас одного такого боеприпаса стоит как два снаряда для шестидюймовой гаубицы. Но сам понимаешь, такая экономия нам не нужна. Большие деньги сейчас приходится вкладывать в фабрику по производству пенициллина. Но на этом тоже нельзя экономить.

– Понял тебя, Кац, буду трясти Минфин, да и олигархат этого времени не мешает немного подоить на благо России. А то, сволочи, бабки гребут на военных поставках, а прибыль, как и в нашем времени, стараются сплавить в Лондон. Ладно, Кац, с нашими задумками более-менее ясно, теперь поведай мне, друг ситный, какого чёрта Николай Второй отрёкся. Я с ним встречался два месяца назад, и ничто не предвещало такого развития событий. Как-то неожиданно Николай Второй сдулся. Неужели это связано с убийством Распутина?

– А чёрт его знает! Чужая душа потёмки! В народе говорят, что это генералы его вынудили отречься от престола. И где-то в этом есть доля истины. Я знаю, что начальник Генштаба генерал Алексеев по телеграфу опрашивал всех командующих фронтами, и они все заявили, что хотят, чтобы Николай Второй отрёкся от престола. Особое мнение было только у командующего Черноморским флотом, адмирала Колчака. Так что получается, это классический дворцовый переворот. Только при нашем бардаке и качестве элиты дворцовые интриги переросли в пролетарскую революцию. Ты сам узнаешь причины отречения, когда встретишься с Николаем Вторым. Долго ждать не придётся. Николай Второй прибыл на вокзал, чтобы с тобой встретиться. Только я выйду из вагона, Николая Второго пригласят на аудиенцию к новому императору. Командует всем

полковник Попов, а ты знаешь, как он работает, так что всё будет по графику и без всяких срывов.

– Да, а я думал, процессом встречи Михаила и дальнейшими ритуальными по своему смыслу действиями руководит генерал Кондзеровский. Именно за его подписью приходили телеграммы о ходе подготовки мероприятий по коронации Михаила.

– Формально да. Гражданскими мероприятиями, по воле Николая Второго, руководит генерал Кондзеровский, а церковными – обер-прокурор Святейшего Синода Раев. Но ты знаешь Николая Павловича, он считает именно себя ответственным за обеспечение безопасности Михаила. Вот и подмял под себя все службы, отвечающие за это. Главное, сделал это тихо и как-то незаметно, но все посчитали такое положение естественным и закономерным. Так как уверены, что Попова прислал сам Михаил, для гладкого прохождения коронации. Сейчас все важные вопросы решают с полковником, а не с генералом Кондзеровским. Кстати, с недавнего времени я тоже стал весьма важной и влиятельной фигурой. Для наших задач это очень хорошо, благодаря этому удалось решить несколько неподъёмных ранее вопросов. Это и размещение заказов на производство ракетных снарядов для «Катюш», и организация фабрики для промышленного синтеза пенициллина.

– Да ты, Кац, орёл, придется тебя назначить серым кардиналом императора. Надо же, фабрику по синтезу пенициллина организовал. Так, глядишь, Россия на передовые позиции в области лекарственных препаратов выдвинется. Ещё бы разработать хотя бы простенькие компьютеры, так Западу нас вообще не догнать будет. Ладно, хватит мечтать, рассказывай свою информацию, почему Николай Второй отрёкся? Это важно – может быть, удастся, сравнивая побудительные причины самого Николая Второго и твой анализ, выйти на раковую опухоль Российской империи. Глядишь, разработаем действенные методы лечения.

– В общем-то, мой анализ причин отречения Николая Второго строится на открытых источниках. Ты их тоже знаешь. Во-первых, это, конечно, убийство Распутина; во-вторых, ухудшение состояния смертельно больного цесаревича Алексея; в-третьих, не очень хорошее положение на фронтах, грозящее ещё ухудшиться; в-четвёртых, нарастание недовольства в тылу, в Думе открыто начали обвинять во всех бедах царя и его семью. Лидер кадетов Милюков выступил в Думе, где обвинил правительство в измене. Павел Милюков в своей

речи обвинил в измене императрицу Александру Федоровну. Можно сказать, эта речь стала началом активной фазы подготовки оппозицией государственного переворота и одним из идеологических обоснований смещения Николая Второго. Речь Милюкова напечатана во всех крупных газетах и даже вышла отдельной брошюрой. И сейчас миллионами экземпляров распространяется в Петрограде, в Москве и на фронтах. Генералы, окружающие Николая Второго, и командующие фронтами забеспокоились и вынудили его отречься в пользу брата. Надо сказать, ты пользуешься популярностью в армии, и не только среди офицеров, а вот Николай Второй – нет. По моему далеко не объективному мнению, стойкая нелюбовь подданных к своему царю и заставила того уйти. Слишком слабая у монарха оказалась психика, сломали его как семейные, так и общественные неурядицы. Был бы Николай Второй держимордой, то, сделав кое-кому кровопускание, продолжал бы царствовать. Подручных в этом кровопускании у него нашлось бы много.

– Так ты что, предлагаешь мне стать держимордой?

– Да ты что, Михась, ошизел? Мы же люди из двадцать первого века, а значит, сталкивались с элегантными политическими технологиями и пропагандой нашего времени. Так что нужно действовать как настоящие попаданцы в прошлое с учётом исторического опыта. Вместо рек крови – тотальная пропаганда, а где она не справляется, в ход пустим нужные нам фейковые новости. Их, может быть, через какое-то время опровергнут, но дело-то будет сделано – нужный результат достигнут.

После этих слов мы начали с Кацем обсуждать, какими же политическими технологиями из двадцать первого века мы можем воспользоваться в нашем случае. Но так как в этом вопросе и я, и мой друг были полными профанами, то эти технологии понимали своеобразно. По крайней мере Кац, я-то вообще в этом вопросе ничего не понимал. А мой друг понимал этот вопрос несколько специфично. Он считал одной из задач подведомственного ему Комитета по национальной политике распространение слухов, выгодных нам. Даже создал в этой структуре целый отдел, занимающийся только этим. Одним из продуктов этого, можно сказать, министерства лжи был слух, что жена у нового императора – простая русская баба, которую Михаил спас, отбив в жестоком кулачном бою у лютеранского нехристя. После чего увёз за границу, преследуемый пособниками лютеран, и обвенчался с красавицей в братской сербской церкви, по всем канонам православия. Пока Николай Второй не присвоил его избраннице графский титул, Михаил не возвращался на родину. За

этот богоугодный поступок Господь даровал чете совершенно здорового, в отличие от сына Николая Второго, наследника. Который уже сейчас в столь малом возрасте может, если захочет, конечно, гнуть подковы – так же, как и его отец. Истинный наследник царя, отмеченный Божьей дланью.

Услышав этот бред, я расхохотался. А как ещё можно было реагировать на творчество маразматиков, собранных Кацем? А мой друг, ничуть не смутившись, заявил:

– Ты зря смеёшься. Этот слух разошёлся мгновенно по всей стране и работает на имидж нового императора лучше, чем массированная пропагандистская кампания через прессу. Для простого народа теперь не только император свой, но и императрица, настоящая русачка. Не то что прежняя императрица Мария Федоровна, у которой немецкая кровь и, по слухам, в спальне стоит телефон прямой связи с её родственником, кайзером Германии Вильгельмом. Все планы русской армии она сообщает германцам, вот поэтому наша армия и несёт такие потери. Вот Брусилов не сообщил немке о плане наступления, мы и надрали задницу австрийцам. Михаил тоже настоящий генерал и не делится военными планами с бабами, тем более немками, вот и совершил героический рывок по взятию Ковеля. Вот что говорят простые люди, а ты смеёшься над работой КНП (Комитета по национальной политике).

– Да нелепый же этот слух. Сделали из Натальи простую русскую бабу, а из меня какого-то кулачного бойца. Бред сивой кобылы, какой же нормальный человек в это поверит?

– А слух, что в спальне у императрицы Марии Федоровны стоит телефон для связи с германским кайзером, не бред? А этот слух ходит даже среди образованных людей и распространяется некоторыми депутатами в Думе. Слух, который запустило в общество КНП, снимает много проблем для Михаила. Во-первых, легализует рождённого вне брака сына великого князя, Георгия. Юристы КНП изучили закон о престолонаследии и пришли к выводу, что в соответствии с ним сын великого князя Михаила Георгий, рожденный вне брака, не может наследовать отцу. А это удар по всей конструкции власти, которую КНП разрабатывал после отречения Николая Второго. В КНП подобраны ещё те крючкотворы, вот они и придумали распустить такой слух, чтобы он со стороны общественного мнения подточил эту норму закона. Теперь они уверяют, что через некоторое время Михаил может издать свой манифест, где цесаревичем будет провозглашен Георгий. Никакой полемики, а тем более критики не будет

даже среди юристов. Норма закона была изменена монархом в силу желания народа. Общественность возмутилась бы, если бы император не определился с наследником.

– Ну, это ладно, но вот зачем в этой белиберде Наталью делают простой русской бабой, а Михаила драчуном? Несолидно как-то: представитель дома Романовых – кулачный боец, а его жена – простая русская баба. Ведь многим известно, что Наталья дворянка, хоть и из захудалого рода Шереметьевских, и что она содержит престижный в столице салон, который посещают самые влиятельные и образованные люди империи.

– Так этот слух и не рассчитан на посетителей салона Натальи или хорошо образованных людей. Тех, которых нужно убеждать с цифрами и фактами в руке. Он рассчитан на людей, которые и читать-то толком не умеют, а газеты берут в руки только для похода в туалет – задницу подтереть. А это большинство населения России. Новости они узнают только из слухов и посредством сарафанного радио. Так вот, информаторы КНП сообщают, что после того, как слух о претенденте на престол и его жене начал гулять по стране, население очень ждёт коронации нового царя и новой императрицы. Многие знают о том, как Михаил в кулачном поединке победил человека-гору, когда социалисты устроили на него покушение. Поэтому и верят, что таким же образом он отбился от безбожников-лютеран, когда спасал свою избранницу. Верят и тому, что Наталья-красавица вышла из народа и влюбилась в богатыря земли русской Михаила. Информаторы в своих отчётах пишут о том, что к слуху, запущенному КНП, неизвестно откуда добавилась история о том, как Михаил, находясь после венчания в неметчине, бился с псами-рыцарями, пробиваясь в Англию со своей суженой. Образ Михаила начал врастать в русский фольклор. А это много значит, если положительный персонаж, герой сказки, то, получается, он родной для народа и за него они любому пасть порвут. А ты смеёшься над работой КНП. Да там сейчас собраны самые креативно мыслящие люди России.

– Успокойся, Кац, уже и посмеяться нельзя. Да пускай твоё КНП распускает любые слухи, лишь бы гражданской войны в России не было. Я вот ради этого своей свободой пожертвовал, так что имею право на некоторые слабости. Ты лучше скажи мне, добрались ли Наталья с Георгием до Англии? Телеграмму от неё с сообщением, что они выезжают из Петрограда, я получил перед самым началом германского наступления, а потом жизнь так закрутила, что не смог узнать, как обстоит дело с их путешествием.

– Я тоже не в курсе. Она телеграмм секретарю своего Мишеньки не посылает. Опосредованно, через британского посла Джорджа Бьюкенена, знаю только, что Наталья с сыном Георгием прибыла в Великобританию. В Лондоне она присутствовала на ужине королевской четы. Больше информации нет. Зная Наталью, уверен, что она сейчас собирается обратно в Россию. Не усидит она в Лондоне, когда узнает, что Михаил стал императором. А она теперь императрица и мать цесаревича. Её мечта стать императрицей, о которой она, скорее всего, тебе не говорила, исполнена. А я чувствовал всеми фибрами души желание Натальи стать царицей.

Я хмыкнул и, как в старые добрые времена общения с Кацем в Пущино, заявил:

– Императрицей, говоришь, мечтала стать, ну и бог с ней. А я не против разложить Наталью где-нибудь в палатах Зимнего дворца. Даже на рояль согласен. После фронтовых стрессов нужно как-то снимать напряжение. Но сделай всё, чтобы удержать Наталью в Лондоне до конца войны. Пока опасность для наследника престола осталась. Лучше наложницу завести, я же теперь сюзерен и просто обязан иметь много баб, а то подданные разочаруются в своём царе. Слушай, Кац, до меня только дошло, что это твоя обязанность, как серого кардинала, поставлять мне куртизанок.

– Ну тебя, Михась! Ты же теперь не пущинский мачо, переспавший с половиной баб НИИ мозга, а серьёзный государственный деятель, без пяти минут император России. У тебя серьёзнейшее дело намечается, а ты стебаться начинаешь, как сексуально озабоченный подросток какой-нибудь.

– Ишь какой поборник нравственности выискался. Тебе-то наплевать на сексуальную неудовлетворённость. У тебя Настя под боком. Когда, кстати, у вас свадьба будет?

– Да тут такие дела накатили, что вздохнуть некогда. Настя это всё видит и понимает, поэтому особо мне мозги не компостирует. Тем более я её загрузил весьма важным делом. Обучил делать инъекции пенициллином, и теперь многие больные (раньше считающиеся безнадёжными) чуть ли не молятся на неё. Мэтры медицины поражены и всё ещё не верят, что чудо-лекарство создали русские и это мощнейшее средство против воспалений производится только в России. После убийства Распутина, когда цесаревичу Алексею стало совсем плохо, Настя колола ему антибиотик больше недели. Приступ сняли, но проведенный после этого консилиум врачей ничем не обнадёжил Николая Второго и императрицу

Марию Фёдоровну. Так что Настя тоже вся в делах, и мы договорились венчаться, когда всё хоть немного успокоится.

– Ну и жизнь пошла! Казалось бы, по сравнению с нашим временем, здесь всё размеренно и никто никуда не торопится, а личную жизнь некогда устроить. Да ладно – сами эту гонку устроили, так что нечего плакаться. Давай-ка тоже ускоримся, нужно хотя бы главные моменты обговорить, а потом приглашать Николая Второго. Его-то не поторопишь, а обговорить с ним много чего нужно. Тут ещё обер-прокурор Раев желает перед митингом переговорить с Михаилом. Его тоже не поторопишь – с церковью в моём положении не шутят.

После моего заявления шуточки и разговоры на отвлечённые темы прекратились. Пошёл конкретный разговор: о мерах, которые предпринял Кац, по гладкому прохождению процесса передачи власти от Николая Второго к Михаилу Второму. Прежде всего это касалось Думы и работы с послами союзных стран. Расстановка сил в Думе и кто дирижирует в этой шараде, совсем меня запутали. Чтобы понять, какие центры влияния и их переплетения, я взял цветные карандаши и начал рисовать схему политического переплетения сил в Думе. После того как нарисовал, у меня даже в глазах зарябило от клубка разноцветных линий, а в голове возникла мысль: с ума сойти можно, нужно Кацу памятник поставить за то, что он ежедневно варится в этом адском котле.

Лично меня спас от начавшего проникать в мозг безумия стук в дверь. Я облегчённо воскликнул:

– Что там?

Раздвижная дверь откатилась, и появившийся в этом проёме ротмистр Хохлов, ставший моим вторым порученцем (первым, естественно, был Максим), доложил:

– Ваше величество, обер-прокурор Раев уже прибыл. Прикажете передать ему, чтобы подождал в приёмной, или изволите его принять немедленно?

– Изволю принять немедленно!

Потом, обращаясь к Кацу, сказал:

– Господин Джонсон, вроде бы мы всё обговорили. После встречи с народом нам ещё нужно будет уточнить некоторые детали. Поэтому сегодня вы ужинаете со мной. Всё, господин Джонсон, больше я вас не задерживаю.

Обращаясь уже к ротмистру, я скомандовал:

– Сергей, предупреди охрану, что господин Джонсон сегодня вместе с нами едет в Гатчину. И ещё, скоро сюда прибудет Николай Второй, ты его сразу веди в кабинет. Не заставляй ждать в приёмной, пока ты мне доложишь о его приходе. Если здесь ещё будет обер-прокурор, то не стесняйся, открывай дверь и без всякого доклада, громко говори: «Его высочество Николай Второй». Понял?

– Так точно!

– Хорошо! И помни, что господин Джонсон – мой ближайший советник. Для него приём всегда открыт в любой час дня или ночи, без всякого согласования визита с кем бы то ни было. Уяснил?

– Так точно, ваше величество!

– Тогда давай, ротмистр, проводи господина Джонсона и приглашай обер-прокурора.

Хохлов козырнул, вытянувшись по стойке смирно, затем посторонился, выпуская из кабинета Каца. Когда раздвижная дверь закрылась, я спрятал нарисованную под диктовку Каца схему в стопку лежащих на столе бумаг. Не хватало, чтобы обер-прокурор смог прочитать, что там было написано. А фамилия Раев там присутствовала. И написана она была красным карандашом. От его фамилии красные линии тянулись к некоторым депутатам Думы и создавали общий запутанный клубок непростых связей среди депутатов Думы.

Глава 4

Пока ждал прихода обер-прокурора Раева, всё гадал причину его стремления встретиться со мной. В голову пришла только одна мысль – император являлся

главой православной церкви России, а обер-прокурор всего лишь при нём управляющий имуществом и следит за соблюдением православных традиций и догм. А значит, Раев хочет получить руководящие указания от будущего главы русской православной церкви. И вполне вероятно, стремится проверить свежеиспечённого монарха на предмет передачи хлопотной функции главы церкви духовным иерархам. По крайней мере, мне, человеку, далёкому от церкви и часто имевшему дело с человеческими амбициями, казалось, что обер-прокурор желал бы стать патриархом русской православной церкви. Логика у меня была простая и включала две непреложных для меня мысли. Во-первых, плох тот солдат, который не хочет стать генералом. А во-вторых, Михаил получает скипетр с некоторыми нарушениями устоявшихся законов престолонаследия, а значит, именно сейчас его можно потрясти, чтобы выбить для церкви сан патриарха. Хотя бы обещание в дальнейшем рассмотреть этот вопрос. Зачем обер-прокурор добивался встречи с Михаилом именно первым перед его публичным выступлением, я узнал буквально через минуту.

Перед тем как Раев вошёл в бронекапсулу, ставшую на время путешествия моим кабинетом, я наметил линию поведения, которой собирался придерживаться. По-другому с обер-прокурором было нельзя – вмиг обведёт вокруг пальца и уговорит подписать какую-нибудь бумажку, которая впоследствии окажется судьбоносным для всей России указом. Слишком уж Раев был хитрым, умным и опытным царедворцем. Такого провести и заставить делать то, что нужно тебе, невозможно. Но как я уяснил из прошлой нашей встречи, его можно ошеломить. Загрузить мозг обер-прокурора какой-нибудь проблемой, не связанной с проводимой встречей, и этим заставить его потерять нить своего замысла, а значит, дать мне необходимую передышку. А если его ещё при этом вынудить оправдываться, то это значит, что этот раунд с могущественным церковным аппаратом я выиграл. И никаких казуистических препон этот самый аппарат уже просто-напросто не успеет подготовить. Напрямую вставать в оппозицию к императору церковь, естественно, не будет. Верхушка церкви просто хочет под шумок выцарапать себе дополнительные права и привилегии. А озадачив в сегодняшнем разговоре Раева и заставив его оправдываться, я, получается, ставлю обер-прокурора на место. И оставляю взаимоотношения между верховной властью и церковью на том же уровне, что был и до меня. Не то чтобы я был против патриаршества, скорее за. Но менять уже прижившиеся устои власти не хотел. Нужно сначала разобраться, а уже потом приниматься за реформы. А то так нареформирую, что революции 1917 года покажутся цветочками. Тема, которая может заставить Раева сбиться с намеченного плана в разговоре с Михаилом, была. И это, конечно, убийство Сибирского старца, Григория Распутина. Из материалов, которые я прочитал в папке Бунда, и из

прошлого разговора с обер-прокурором я пришёл к выводу, что Раев и практически всё руководство Священного Синода поддерживали Распутина. В папке Бунда я нашёл бумагу внутрицерковной переписки. Там протопресвитер Шавельский жаловался одному из иерархов: «Ставленники Распутина уже фактически держат в своих руках управление. Обер-прокурор Священного Синода Раев, его товарищ Жевахов, управляющий канцелярией Священного Синода Гурьев и его помощник Мудролюбов являются распутинцами. Эту же веру исповедуют митрополиты Питирим и Макарий. Целый ряд епископов епархиальных и викарных были клиентами Распутина». В своём первом разговоре с обер-прокурором я воспользовался почтительным отношением Раева к Распутину и добился тёплого отношения к боевому генералу со стороны обер-прокурора Священного Синода, так почему бы сейчас не добиться своей цели, пользуясь тем же методом?

Вот с такими мыслями я дожидался обер-прокурора. Когда Раев вошёл с портфелем, наверное, набитым бумагами, которые обер-прокурор думал у меня подписать, я тепло поздоровался с ним, заметив при этом, что он хорошо выглядит. Затем тем же елейным голосом, но, правда, с подковыркой, принятой в наших разговорах с Кацем, произнёс:

– Николай Павлович, выглядите вы действительно прекрасно, как и должен выглядеть один из высших государственных чиновников. Чего не скажешь о душе русского народа – Сибирском старце Григории Распутине. Убили его прихожане нашей церкви. Я уверен, что это злодеяние они замыслили давно, и наверняка на исповедях кое-какие замыслы доходили до ушей священников. Ведомство православного исповедания находится в вашем введенье. Я знаю, что не только вы почитали Сибирского старца, но и ваш товарищ Жевахов, управляющий канцелярией Священного Синода Гурьев и его помощник Мудролюбов тоже считали появление Распутина Божьим промыслом. Да и епархиальный архиерей Петрограда митрополит Питирим является сторонником Сибирского старца. Как же Священный Синод допустил такое святотатство – убийство Григория Распутина? Даже я, на войне привыкший терять близких мне людей, был потрясён злодейским убийством Распутина. Что уж тут говорить о тонкой душевной организации Николая Второго. Он как любящий отец страдал от гибели его сыновей на фронте, а тут такой подлый удар в спину.

– Ваше величество, ну какая вина в этом злодеянии Священного Синода? Мы же не Министерство внутренних дел, а тем более не жандармерия. И не можем следить за прихожанами церквей. К тому же существует тайна исповеди.

Ведомство православного исповедания строго следит за этим.

– Вот именно, Синод следит только за соблюдением православных канонов, а общество между тем развивается, и у него появляются новые устремления. Эти веяния, привнесённые безбожниками социалистами и прочими деструктивными элементами, нужно, во-первых, отслеживать, а во-вторых, противодействовать экстремизму. И не только полиции и жандармерии, а всем структурам государства Российского.

Моя речь сделала своё дело, Раев забыл про свой портфель и начал выгораживать работу Священного Синода. Я с удовлетворением от своего иезуитского замысла слушал многословное описание работы его ведомства по укреплению православия в России. Как священники своими проповедями ограждают прихожан от тлетворного влияния агентов дьявольских учений. Своими репликами я подзуживал обер-прокурора к новым словесным излияниям. Это продолжалось до тех пор, пока в дверном проёме не возник ротмистр Хохлов, который громко объявил:

– Его высочество Николай Второй!

Раев осёкся на полуслове, несколько побледнел, вскочил с кресла и повернулся к раздвинутой двери. А как только там показалась фигура Николая Второго, посеменил к бывшему царю, при этом что-то объясняя. Я тоже встал и вышел из-за письменного стола, но не кинулся, как Раев, к бывшему императору. Словесный понос обер-прокурора дал мне время внутренне подготовиться к встрече с братом. А ещё похвалить себя за столь умелую тактику проведения встречи с обер-прокурором Священного Синода. Проговорил почти полчаса со столь опытным и опасным для меня человеком и не сдал ни одной позиции. При этом заставил Раева оправдываться и обещать, что Священный Синод приложит все силы, чтобы царствование Михаила проходило безоблачно, а враги православия были повержены.

Разговор Николая Второго с обер-прокурором продолжался не больше минуты, после чего Раев, повернувшись ко мне, поклонился и произнёс:

– Ваше величество, не смею мешать вашей встрече. Церковная процедура принятия вами сана императора будет проведена послезавтра в двенадцать часов дня в Исаакиевском соборе. Я там обязательно буду. По первому вашему

зову готов явиться с отчётом о деятельности Священного Синода.

Я кивнул Раеву и коротко ответил:

– Хорошо, господин обер-прокурор. До встречи!

После чего подошёл к Николаю Второму и обнял своего брата. Как только Раев удалился и кабинетная дверь закрылась, я отстранился от брата и срывающимся голосом выдохнул:

– Как же так, Ники? Ты же знаешь, я не готов к роли императора! Какой из меня монарх, если я даже корпусом толком командовать не могу? Давай всё вернём назад. Ты останешься на троне, а я буду выполнять любое твоё пожелание. Если хочешь, стану наместником в Петрограде и передушу тут всех крикунов и пораженцев. Подданным скажем, что это всё козни германских агентов.

Николай Второй пристально взглянул на меня, в его каменных, как мне казалось раньше, глазах зажглось две искорки, а сквозь жёлто-табачные усы и бороду пробилась улыбка, и он каким-то усталым голосом произнёс:

– Эх, Миша, если бы всё было так просто! Я склоняюсь лишь перед стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, все возрастающим мистицизмом. А он буквально окутал пространство вокруг меня. Нужно было как-то вырываться из этого кошмара. Мне давно хотелось всё бросить и зажить нормальной человеческой жизнью. Но я был воспитан в убеждении о божественном происхождении самодержавной власти. Считал, что самодержавное правление – лучший способ обуздать стихию саморазрушения, и был полон решимости, сохранить все прерогативы монарха. Хотя даже самые доверенные генералы вели свои игры, одним словом – «кругом измена, и трусость, и обман!» Но даже несмотря на измену генерала Алексеева и командующих фронтами, высказавшихся за моё отречение, я остался бы верен долгу самодержца, если бы не последнее пророчество божьего человека Григория Распутина. Ты как относился к Сибирскому старцу? Читал ли его предсказания?

– Хорошо относился. У Натальи было одно из предсказаний Распутина. Я когда с ним ознакомился, то внутри всё аж похолодело. Жутко стало и захотелось как-то не допустить такого будущего России.

– Видишь! Даже тебя зацепили откровения Сибирского старца. А я с ним общался очень много и убеждался в истинности его суждений и божественного откровения в предсказаниях Григория. Сейчас кляну себя за то, что не внял твоему предупреждению об опасности, грозящей Григорию Распутину. Хотя по твоему совету и вызвал его к себе в Могилёв, но не стал там удерживать. Цесаревичу стало худо, и императрица Мария Фёдоровна телеграфировала, чтобы я срочно направил Распутина в Царское Село. Перед тем как отправиться в Петроград, Сибирский старец сделал своё последнее предсказание. Вернее, дал мне совет, как спасти империю. Он заявил: «Вижу я чёрную тучу, окутывающую нашу землю. Ничто не может ей противостоять. Она пожирает весь род Романовых. Но вдруг у самого края пропасти, на дне которой горит адский огонь и прыгают черти, возник луч света и лик твоего брата Михаила. Сгусток тьмы метнулся к нему, но из очей Михаила вырвались кинжалы света и развеяли наступавшую тьму. А потом в его руке появился факел, и Михаил, освещая путь, повёл родичей и тебя с детьми прочь от этой адской пропасти. Передай брату империю, и он выведет всю Россию из тьмы».

Николай Второй замолчал, а у меня от этого мистического бреда даже мороз по коже пошёл. Ну как тут бороться с таким настроением Николая Второго, тут нужен психиатр высшей квалификации, а не технарь из НИИ мозга. Даже Кац в этом случае вряд ли что-нибудь мог посоветовать. Оставалось брать знамя из ослабевших рук Николая Второго и постараться пронести его сквозь наступающий на страну бардак. Хорошо, у нас с Кацем был план, как действовать в самой безнадёжной ситуации. Да и помощники теперь появились. Даст бог, прорвёмся и не окажемся в ссылке в Перми. Мгновенно прокрутив в голове эту мысль, я всё-таки постарался вывести Николая Второго из мистицизма, заявив:

– Ники, да какая, к чёрту, тьма, это германский Генштаб балует – засылая к нам деструктивные элементы и разжигая непомерные амбиции политиканов и некоторых генералов. Вместе возьмёмся и подавим всю эту шушеру!

– Эх, если бы всё было так просто! Я пытался чистить эти авгиевы конюшни. После поражения в Русско-японской войне и бунтов 1905 года, по моему повелению была развернута и должна была закончиться в 1917 году большая военная реформа. Но грянула война, и действия по реформированию армии пришлось отложить. Не была доведена до конца и столыпинская реформа – её автора и движущую силу убили заговорщики. А затем всё та же война не дала возможности продолжить замысел Столыпина. И в других делах происходило

подобное, как только я пытался что-то делать на благо России, происходило нечто необъяснимое и дело срывалось. Как тут не поверишь в стихийную иррациональную силу (тьму), которая не хочет моего царствования. Предсказания Сибирского старца показывают единственно достойный выход, чтобы Россия избежала ада. Я верю предсказаниям Распутина, поэтому принял бесповоротное решение отречься в пользу своего брата. И знаешь, Миша, после того как я подписал отречение, дела в государстве Российском и в моей личной жизни начали налаживаться. Был взят Ковель, и без больших жертв, хотя перед этим три сильнейшие русские армии штурмовали его больше месяца, понеся при этом колоссальные потери. А тут кавалерийский корпус наскоком занял его за один день. При этом потери корпуса составили меньше ста человек, а одних пленных, включая хорошо обученных и обстрелянных германских солдат, насчитали больше ста тысяч человек. Исправных пушек и пулемётов захвачено больше, чем за предыдущие военные действия. Победа грандиозная, почище, чем Брусиловский прорыв. Военные специалисты, с которыми я беседовал, за сердце хватаются, когда узнают про твои блиндажи на железнодорожных платформах. Сначала-то их смех охватывал, когда узнавали про поделки малорусских плотников. А когда узнавали, что именно благодаря этим блиндобронепоездам Юго-Западному фронту удалось сохранить контроль над железной дорогой и нейтрализовать мощные бронепоезда противника, у генералов начинались сердечные колики. Такие результаты действий кавалерийского корпуса в современной войне не имеют логического обоснования. Подобных результатов можно достичь только при божественной помощи. То что Бог смилостивился над моей судьбой после того, как я подписал манифест об отречении от престола за себя и своего сына, самочувствие Алексея нормализовалось. А перед этим был страшнейший приступ, усугублённый простудой. Лечащий доктор давал самые неутешительные прогнозы. Медицина в случае моего сына была бессильна. Такие приступы уже бывали, но их снимал Сибирский старец, а теперь помочь цесаревичу было некому – Распутина убили. И не чужие люди, а, можно сказать, свои, среди них был Дмитрий, мой приёмный сын. Я относился к нему как к родному сыну, а он вонзил кинжал в сердце своего отца. Как тут не думать о происках дьявола! Ну, это ладно, оставим всю эту дьявольщину, будем вспоминать только светлые моменты, связанные с тобой. Так вот, когда Алексей находился уже при смерти, пришла докторша, присланная твоим секретарём Джонсоном. Её сначала не допустили до цесаревича, когда эта Настя заявила, что направлена по поручению великого князя Михаила Александровича и у неё имеется новейшее лекарство, присланное тому из Англии. Но Мария Фёдоровна была в таком отчаянье! Императрица, услышав, что это Михаил так заботится о своём племяннике, разрешила этой Насте заняться лечением цесаревича. После твоего последнего

посещения Царского Села Мария Фёдоровна очень тепло о тебе отзывалась. И в той непростой ситуации доверилась твоей посланнице. И не прогадала – после недельного применения чудо-лекарства Алексей пошёл на поправку. Твоя посланница не только помогла встать на ноги цесаревичу, она вылечила и княжну Ольгу, которая лежала простуженная с очень высокой температурой. Так что, Миша, я был прав, что отрёкся от престола – страшное проклятие начало отступать как от моей семьи, так и от России. Теперь я от своего решения ни за что не отрекусь. Прекращай меня уговаривать вернуть прошлое. Лучше давай обсудим процесс передачи власти и прочих атрибутов монарха.

После таких слов Николая Второго я понял, что уговаривать брата отозвать своё отречение совершенно бесполезно и, делать нечего, придётся впрягаться в этот воз под названием Российская империя. Вот я и начал впрягаться – начал обсуждать с Николаем Вторым непонятные мне действия некоторых высших сановников империи. Это обсуждение плавно перешло в вопросы кадровой политики. Николай Второй крат ко характеризовал чиновников, занимавших узловые места в имперской паутине, где главным пауком был именно он. А теперь, соответственно, главным кровососом, именно так называли царя в своих прокламациях многочисленные левацкие партии, становился я – Михаил Второй. Хотелось выть от отчаянья, но я продолжал обсуждать с Николаем Вторым главный вопрос, который меня интересовал в кадровой политике – кто, по его мнению, достоин сейчас быть главнокомандующим. Сам Николай Второй наотрез отказался продолжать занимать этот важнейший на данный момент пост. Как ни странно, несмотря на то что генерал Алексеев по существу предал главнокомандующего, Николай Второй предлагал на этот пост именно его. Для меня это предложение выглядело неожиданно и ещё больше запутало в голове этот вопрос. Ещё в дороге я перебирал разные варианты и склонялся назначить главнокомандующим генерала Брусилова. Но кандидатура генерала Алексеева тоже присутствовала. А ещё в голове присутствовала мысль самому занять пост главнокомандующего. И возникла она не из-за моих амбиций, а из слов командующего Особой армией генерала Безобразова. У него я тоже спрашивал, кого хотел бы видеть главнокомандующим сам командующий армией. Во время этого разговора генерал Безобразов заявил: «Нельзя из короны государя вырывать перья и раздавать их направо и налево. Верховный главнокомандующий, верховный эвакуационный, верховный совет – все верховный, один государь ничего. Подождите, это еще даст свои плоды. Один государь – верховный, ничто не может быть, кроме него». В словах генерала Безобразова имелась здравая мысль – в это тяжёлое время нельзя было распыляться и допускать в среде генералов тёрок и склок.

После предложения Николая Второго в подсознании снова началась перетасовка претендентов на этот важнейший пост, а внешне я продолжал разговаривать с братом. Хотя перетасовывать, в общем-то, было нечего. Кроме Брусилова и Алексеева в моей колоде был ещё нынешний военный министр генерал от инфантерии Шуваев. Этого министра я рассматривал по нескольким причинам. Во-первых, он лично был честным и неподкупным человеком, практически искоренившим коррупцию в интендантском ведомстве. А в нынешней России это было нечто. Во-вторых, с 1909 по 1914 год Шуваев был начальником Главного интендантского управления Военного министерства, а это значит, что он умел договариваться, как с генералами, так и с промышленниками. В настоящее время это было важно, чтобы в среде высшего военного руководства не возникло вредящих делу противоречий. С различной степенью недовольства, Шуваева приняли бы все командующие фронтами. Он был своим, его знал весь генералитет, ведь больше года он был военным министром. И именно при нём начались победы русского оружия. Операция Брусилова была бы невозможна без тесного взаимодействия командующего Юго-Западным фронтом и военного министра. И наконец, когда Шуваев был начальником Главного интендантского управления Военного министерства, его деятельность проходила в условиях военной реформы. А тогда при реорганизации интендантского управления особое внимание было обращено на усиление технического комитета за счёт введения в его состав представителей гражданских ведомств (министерств финансов, торговли, промышленности и других), а также профессоров ряда институтов. То есть этот генерал умел мыслить нестандартно и добиваться поставленных целей. А нам предстояло внедрять в армию новые виды вооружения («Катюши», напалм). Да и тактические приёмы нужно было менять (переходить к мобильным, зачастую партизанским действиям). Рейд 2-го кавалерийского корпуса показал, насколько такая тактика эффективна.

Когда Николай Второй закончил перечислять достоинства генерала Алексеева, я уже про себя решил назначить главнокомандующим генерала от инфантерии Шуваева. А военным министром вместо него назначить Гучкова, а премьер-министром – князя Львова. Местный бомонд наверняка будет биться в истерике от таких неожиданных назначений. Да я и сам не думал назначать видных думских деятелей на какие-либо государственные должности. Князь Львов, в общем-то, являлся сторонником Михаила, а ослаблять фракцию в Думе, выступающую за самодержавие, я не собирался. Но это до разговора с Николаем Вторым не собирался, а сейчас идея назначить князя Львова премьер-министром показалась мне очень даже правильной и своевременной. Князь Львов, по мнению многих людей, с которыми я встречался, да и моей жены Натальи, был безупречным в нравственном отношении человеком. Жена, общаясь в своём

салоне со множеством значимых в обществе людей, передавала мне настроения, царящие в среде политизированной интеллигенции. Так вот, по словам Натальи, имя Львова стало фигурировать во многих списках членов «ответственного министерства» или «министерства доверия», которое должно было заменить существующее «правительство бюрократов». Эти списки возникали в кругах либеральной оппозиции, которая не останавливалась перед опасностью «перемены коней на переправе», а имя Львова более всего нужно было как «символ» чистоты будущей власти, ее освобождения от пленения «темными силами». Вот я и хотел этим светочем либерализма усилить царский режим. При этом знал, что князь Львов – весьма энергичный и амбициозный человек, и что он потянет даже такую тяжёлую телегу, как Россия. Что касается Гучкова, то главным аргументом, чтобы назначить его военным министром, было то, что он оказывал Кацу немалое содействие в финансировании и в размещении заказов на его производство на заводах Военного министерства. Его не только там знали и уважали, но и боялись. И при нём, так же как и при Шувалове, чиновники будут делать дело, а не повышать своё материальное благополучие. А надежда на то, что князь Львов станет хорошим премьером, строилась не на рассказах Натальи об отношении к нему со стороны интеллигенции, а на конкретных вещах. Например, борьба Львова с коррумпированностью и политизацией Земгора. Некоторое сомнение у меня вызывало только согласие самого князя Львова стать главой правительства. Одно дело быть главой, пускай и громадной, но общественной организации, а другое – стать высокопоставленным чиновником. Но мысль предложить Львову стать премьер-министром возникла в голове не просто так. Во-первых, из истории я знал, что после Февральской революции именно князь Львов стал первым председателем Совета министров. А значит, князь не полностью замкнулся на своём Земгоре, а готов на благо России работать и чиновником. Во-вторых, как-то в личной беседе, когда князь ругал правительство за недостатки, а именно за недостаточный выпуск снарядов для артиллерии, он обмолвился, что если бы он был главным, то навёл бы порядок. Вот за этот разговор я и хотел зацепиться, если буду предлагать Львову занять пост главы правительства. А, пожалуй, основная причина, почему я хотел, чтобы князь занял пост премьер-министра, было то, что Львов, так же как и Гучков, был заинтересован в производстве «Катюш» и напалма. Этому он финансово помогал, будучи главой Земгора, и не только средствами, имеющимися на счетах этой общественной организации, но и собственными деньгами. Так что если князь Львов станет главой правительства, он рогом упрётся, но обеспечит выпуск «Катюш», снарядов к ним и напалма.

Между тем Николай Второй продолжал делиться своими впечатлениями о деловых качествах основных действующих лиц правительства Российской

империи. Мнение бывшего царя о членах его команды очень часто было нелицеприятным. Слова Николая Второго чем-то напоминали информацию, которую я узнавал, читая бумаги, составленные аналитической службой Бунда. Но там-то собирался компромат на важных чиновников, а Николай Второй работал с этими людьми. Каково это – никому не доверять, а пожимая руку очередному лизоблюду, знать при этом, какой он мерзкий тип и предаст при первой же возможности? Тут никакие железные нервы не выдержат, по-любому станешь мистиком и поверишь в самое невероятное предсказание. Слушая Николая Второго, я уяснил для себя, что нельзя руководствоваться его рекомендациями – воспользуешься и в итоге получишь ту же самую гнилую элиту. Если даже удастся избежать революций, гражданской войны и прочих потрясений для страны, двадцатый век готовит для России не менее жуткие испытания. Германия, проиграв войну, затаит злобу против победителей, а возродившись, начнёт мстить странам Антанты. Извечные наши враги англосаксы будут способствовать росту германского милитаризма, хотя в этой войне они наши союзники. Но Франция и Россия – исторические конкуренты Англии, вот она и будет пестовать германских милитаристов, чтобы те, возродив Германию, направили её против этих стран. И не факт, что если в России у власти останется прежняя гнилая элита, она выдержит противоборство. Получается, что если я ввязался в эту безумную затею, то мне следует перетрясти всю эту разжиревшую нечисть, пристроившуюся на хлебных государственных должностях. В очередной раз в моей голове начала звучать песенка из мультфильма моего времени: «Эх, жизнь моя жестянка, ну её в болото». А это означало, что психика настолько перегружена, что ещё чуть-чуть, и я могу что-нибудь сделать Николаю Второму – завалил меня информацией, заставляющей мозг перегреваться. Но, слава богу, забили напольные часы, стоявшие между окон-бойниц моего нынешнего передвижного бронированного кабинета. Я специально установил в них время, чтобы бой этих кабинетных курантов начался за десять минут до начала предстоящего мероприятия. Я понимал, что разговор с Николаем Вторым затянется и требуется какое-нибудь постороннее воздействие, чтобы завершить эту беседу. Появление адъютанта сразу отмёл, самому прекратить беседу было тоже «не комильфо». Вот я и придумал, как ненавязчиво закончить беседу и не опоздать с выходом нового императора к народу.

Моя задумка оправдалась, Николай Второй, услышав бой часов, оборвал свою речь на полуслове. А я, пользуясь этим, смог, не обижая своего собеседника, прервать его пространные рассуждения, заявив:

– Ну что, Ники, пора! Если ты так убеждён в правильности своего отречения, то нужно будет произнести это перед народом. Кроме многочисленных подданных на вокзальной площади нас ожидают послы не только союзных стран, но и других аккредитованных в Петрограде. Кроме фотосъёмки будет вестись и киносъёмка, так что опаздывать на это мероприятие не стоит.

– Миша, ты же знаешь, я не оратор и голос у меня не настолько громкий, чтобы выступать на площади перед массой народа. Да звуки, издаваемые фотовспышками, заглушат даже пронзительные вопли площадного глашатая. Зря ты затеял такое массовое мероприятие. Пригласил бы послов и часть депутатов Думы в Зимний дворец, и я там бы зачитал им своё отречение.

– Дорогой мой, кричать не придётся. Можно спокойно говорить в небольшой микрофон, а голос многократно усилится и будет слышен по всей площади. Это устройство, называемое усилителем, придумали те же люди, которые разработали «Катюши» и создали напалм. Система абсолютно уникальна. Такой даже в Англии и Германии нет.

Успокоив своими словами Николая Второго, я, больше ничего не объясняя, сам снял с вешалки шинель брата и, как простой дворецкий, помог бывшему императору в неё облачиться. Затем быстро надел свою парадную шинель, нахлобучил фуражку и, даже не посмотревши в зеркало, открыл раздвижную дверь.

Никого подзывать не пришлось, в коридоре, охраняя покой своего императора, стоял ротмистр Хохлов. Увидев нас, он вытянулся и, обращаясь именно ко мне, доложил:

– Ваше величество, всё подготовлено, охрана выставлена, снайпера заняли позиции. Разрешите мне проводить вас до трибуны?

Я невольно посмотрел на Николая Второго. Тот явно был растерян. Не привык бывший император, что теперь не он самый главный и обращаются не к нему. Про себя хмыкнув, я подумал: «Привыкай, братишка, и радуйся, что теперь тебя не этапируют в Екатеринбург». Моя внутренняя ирония внешне никак не выразилась. С каменным выражением лица я ответил Хохлову:

– Давай, ротмистр, показывай, куда нам идти.

Козырнув, Хохлов повернулся и направился к тамбуру. Я, пропустив Николая Второго вперёд, зашагал вслед за ним.

На перроне, прохаживаясь вдоль цепи солдат охраны, нас ожидал Максим. Пропустив начальство вперёд, он пристроился за мной. Вот такой процессией вдоль расставленных через каждые пять метров солдат мы направились к трибуне на привокзальной площади, сколоченной нанятыми Кацем плотниками. Практически всю работу по организации достойной встречи Михаила Второго в Петрограде взял на себя мой друг. Даже финансовую составляющую, и это несмотря на то, что наш фонд на оперативные расходы, как обычно, испытывал недостаток средств. Как обычно, если за дело брался м. н. с. НИИ мозга Кацман, всё вроде бы было хорошо, но какая-нибудь деталь нарушала общую благостную картину. В этот раз мне не понравилась высота трибуны. Она была недостаточной высоты. Джигиты из оцепления, которые по замыслу Каца должны были сдерживать толпу, располагались перед самой трибуной и своими лохматыми папахами загораживали выступавших ораторов. Да и вообще, это был полный идиотизм – выставить перед трибуной джигитов на горячих конях, не привыкших к людским толпам. Конечно, перед трибуной образовалась пустота – никто из присутствующих не рисковал приблизиться к фыркающим и стоящим очень беспокойно лошадям ближе, чем шагов на десять. Для выступающих это, может быть, и было комфортно, но для фотографов и операторов двух замеченных мной больших кинокамер это был кошмар. Да и стоящие в первых рядах иностранные послы, наверное, чувствовали себя обиженными. Конечно, союзные послы стояли на трибуне отдельной группкой рядом с верхушкой Думы, но всё равно требовалось позаботиться о других участниках этого мероприятия и, несомненно, о прессе и фотографах. Все эти мысли прокрутились в сознании еще у подножия трибуны, и я, повернувшись к своему старшему адъютанту (Хохлов считался младшим), приказал:

– Макс, давай быстро снимай ребят мехгруппы с оцепления вокруг бронепоезда и ставь их вместо джигитов. Кавалеристы пускай сосредоточатся в сквере у вокзала.

Максим, не говоря ни слова, козырнул и тут же исчез. А я вслед за Николаем Вторым поднялся на трибуну. Пока раскланивался с присутствующими и обменивался с ними любезностями, перед трибуной происходила суета. Всадники Ингушского полка как-то быстро испарились, а вокруг трибуны выстроились в две шеренги десантники мехгруппы. Сначала меня волновал вопрос конских испражнений, но это быстро прошло. В это время наличие

конского навоза на улицах было привычно, и никого не смущала такая мелочь, как наступить на конский кругляш. Поэтому толпа быстро заняла освободившееся место. Ближайшая ко мне фотокамера находилась саженях в четырех-пяти от меня. Гул голосов тоже приблизился и даже стал мешать общаться с окружающими, приходилось повышать голос. К тому же толпу перед выступлением Михаила стали разогревать подобранные Раевым ораторы. А кого мог подобрать обер-прокурор – естественно, священников с лужёными глотками, слова которых разносились по площади без всяких микрофонов. С ужасом подумав о своём скором выступлении перед народом, я локтём подтолкнул стоящего рядом Джонсона и спросил, чуть ли не в полный голос:

– Кац, мать твою, ты проверял работу усилителя? А то после того, как ты расставил перед трибуной всадников, я уже во всём сомневаюсь!

Мой друг, как показалось мне, издевательски усмехнулся, потом встал на носки своих модных английских ботинок и, таким образом приблизившись к моему уху, полушепотом заявил:

– Не ссы, Михась, всё проверено! Микрофон я специально не включил во время этого разогрева толпы. Включу, когда ты начнёшь говорить, чтобы народ подумал, что только Божий избранник может обладать таким громким голосом. Поэтому тебе нужно первому выступить, а уже потом допускать до микрофона Николашку. Знаю, что оратор ты хреновый, поэтому можешь особо не усердствовать, народ не будет особо вслушиваться в твою речь – даже образованные люди будут в шоке от грохота громкоговорителей.

От доводов Каца я несколько успокоился, а затем стало уже не до собственных нервов. Распорядитель регламента всего этого митинга обер-прокурор Раев, обращаясь ко мне, спросил:

– Ваше величество, кто первый выступит перед народом – вы или Николай Второй?

Помня слова Каца, я ответил:

– Конечно, я, тем более сейчас ваш человек славит нового императора. Негоже, если после такой здравницы, выступать сложившему с себя полномочия императору.

Раев кивнул и отошёл в сторону, освобождая путь к поручням трибуны. Я сделал шаг к торчащему из этого поручня микрофону. Толстый поп, разогревавший публику своей здравицей в честь Михаила, стоял чуть в стороне от микрофона. За мной к перилам трибуны шагнул Кац. Как только поп закончил свою проповедь-здравицу, мой друг нажал спрятанный в балясине перил тумблер включения микрофона. Моя первая фраза:

– Православные, радуйтесь, Бог услышал ваши молитвы!.. – громом разнеслась по всей площади и привела в экстаз добрую половину присутствующих. Даже стоящие в первых рядах дипломатические работники, журналисты и фотографы получили удар по психике. Я это увидел, наблюдая за выражением их лиц и дальнейшими действиями. Вернее, бездействием – журналисты тупо стояли, выпучив на меня глаза, забыв про свои блокноты, в которые должны были стенографировать выступление Михаила Второго. Даже фотографы, а тут были собраны самые опытные, снимавшие даже во фронтовых условиях, во время атак и артиллерийских налётов, и те растерялись. По крайней мере, шиканья фотовспышек в начале моей речи не было. Только когда уже заканчивал, народ начал приходить в себя, а фотографы стали озарять трибуну нестерпимо яркими вспышками. Ощущение было, как будто без маски занимаешься сварочными работами. Хорошо, я в НИИ мозга много занимался сваркой и научился так прищуриваться, что мог переносить такие вспышки. А вот рядом стоящие господа, кроме Каца, конечно, получили удар по психике в конце моего выступления. Чему, если прямо сказать, я был очень рад. Потому что говорил такими штампами, что никакой своей мысли или идеи не высказал. Бери любую газетёнку, и из её передовиц, выходящих в течение пары недель, вполне можно составить речь нового императора. Но главное, моя речь была патриотичная, уверенная и громкая, такая, что своими рявкающими звуками вбивала гвозди идеологических штампов в мозг по самую шляпку.

Когда к микрофону подошёл Николай Второй, хитрый Кац уменьшил мощность усилителя. Я это видел, так как после выступления смотрел на своего друга, ожидая хоть какой-то оценки своей речи. Но не увидел ни малейшего жеста, только заметил, как он, воровато озираясь, подкручивает ручку гетеродина. Естественно, после этого слова Николая Второго разносились по площади гораздо тише и не с такой убедительной силой. Хотя сама речь была на порядок лучше, чем моя, гораздо осмысленней и звучала более эмоционально. Текст отречения от сана монарха я уже читал, а вот обращение к народу слушал с большим вниманием. Когда Николай Второй, откашлявшись, начал читать заранее подготовленное обращение к подданным, я превратился в одно большое

ухо. Было интересно и в память врезались слова Николая Второго: «К вам, горячо любимый мною народ, обращаюсь с настоятельным призывом отстоять нашу родную землю от злого противника. Россия связана со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе. Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его, тот изменник своего Отечества – предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг, как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию изо всех сил. Слушайте ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к Родине. Да благословит вас Господь Бог на дальнейшие подвиги и да ведет вас от победы к победе Святой великомученик и Победоносец Георгий!»

После Николая Второго выступили ещё два думца – Родзянко и Милюков, и два командующих фронтами – генералы Рузкий и Брусилов. И все они приветствовали такое знаменательное событие, как вступление на престол нового императора Михаила Второго. Выступивший последним обер-прокурор, по существу, благословил меня на престол. А затем к микрофону был допущен генерал Кондзеровский, именно он начал сворачивать митинг и объявлять о подарках нового императора. Информацию о системе выдачи талонов и порядке получения продуктовых наборов я уже не слушал, занимался другим – раздавал присутствующим приглашения на завтрашний праздничный ужин в Зимний дворец. Да, вот именно, Кац позаботился и о банкете в честь нового императора России. Когда генерал Кондзеровский закончил и подошёл ко мне, я похвалил его за чёткость и краткость, а также за организацию встречи императора. Выразил надежду, что и завтрашние мероприятия, за которые отвечал генерал, пройдут так же организованно. Генерал Кондзеровский попытался начать разговор о предстоящих мероприятиях, но я оборвал его, заявив:

– Сейчас не место, перекрикивая толпу, обговаривать эти вопросы. Приглашаю вас в мою резиденцию в Гатчине, там и обсудим эти вопросы. У вас есть на чём туда добраться? Если нет, то прошу в любую карету моего кортежа. Сейчас раздам приглашения на завтрашний банкет, переговорю с союзными послами, и можно выезжать.

– Спасибо, ваше величество, меня ожидает автомобиль, на нём и доберусь до вашего дворца в Гатчине.

– Автомобиль – это хорошо, поддерживаю. Не нужно трястись больше трех часов, пускай и в роскошных, но телегах. Ладно, генерал, больше я вас не задерживаю, поговорим в Гатчине.

Глава 5

Раздача приглашений на банкет оказалась муторным делом, пришлось много улыбаться и говорить. Хорошо, что я занимался только послами союзных России государств, ну и ещё присутствующим на смотровых местах трибуны Дэвидом Френсисом. США хоть и не была в настоящее время союзником России, но мы-то с Кацем знали, что это вот-вот случится, к тому же у Михаила были очень хорошие личные отношения с Дэвидом. Вот Кац и включил его в число допущенных на трибуну лиц. Перед тем как заняться иностранцами, я попытался Николая Второго пригласить на этот банкет, но получил вежливый и многословный отказ. Уговаривать брата я не стал, во-первых, понимал состояние его души, а во-вторых, как уговаривать человека, у которого сын находится между жизнью и смертью, а жена и две дочки разболелись? Поэтому я вошёл в положение Николая Второго и тепло с ним попрощался. Затем занялся послами. Вот у них я нашёл полное понимание и согласие прибыть на праздничный ужин. При этом я согласился с предложением послов Франции, Англии и США на встречу с каждым из них конфиденциально. Дату и время они должны были согласовать с господином Джонсоном, которого я назвал министром двора. Подложил, так сказать, свинью Кацу – пусть не один я отдуваюсь за пост царя. Конечно, я и сам бы мог согласовать дату и время визитов послов, но вот ежедневник, где был расписан график предстоящих дел Михаила, был у моего второго адъютанта, а Хохлова я отослал с весьма важным для меня делом – рядом с трибуной на месте для почётных гостей заметил генерала Маннергейма. Вот я и отправил ротмистра договориться с Маннергеймом о встрече с Михаилом Вторым. И чем раньше, тем лучше. Так что пришлось мне поступать как истинному монарху – отсылать всех страждущих встречи с Михаилом Вторым договариваться о времени и дате встречи к министру двора.

Когда вся эта дипломатическая бодяга закончилась и последний посол покинул трибуну, я наконец смог подозвать к себе Хохлова, который, по закону подлости, появился, когда я уже прощался с послами. Ротмистр доложил, что он нашёл генерала Маннергейма и договорился с ним, что тот явится на аудиенцию с Михаилом Вторым послезавтра в десять часов утра в резиденцию государя в

Гатчине. Да, теперь мой загородный дом в Гатчине назывался резиденцией. Единственное, что изменилось в бытовом плане после того, как я ознакомился с текстом отречения Николая Второго и по существу стал императором, это то, что Кац, признанный всеми как самое доверенное лицо нового императора, перебазировал госпиталь, занимающий больше половины дома и практически все хозяйственные постройки. Госпиталь со всем персоналом был перебазирован в имение Липки. То есть получалось, что мой друг ещё больший авантюрист, чем я. Ведь если рассуждать формально, я ещё не настоящий император. (Осталась юридическая формальность – принятие присяги и прохождение манифеста через Сенат.) Но страна была в таком состоянии, что никто уже не обращал внимания на выполнение всех формальных процедур коронации нового императора. Если прямо сказать, народ устал от правления Николая Второго. Даже убеждённых монархистов трясло от имени Николая Второго. Вот поэтому, наверное, все препоны в деле коронации Михаила Второго так быстро преодолевались. Даже по поведению иностранных послов чувствовалось, что они рады приходу к власти Михаила Второго. Про себя я думал, общаясь с иностранцами: радуйтесь, радуйтесь, что, по вашему мнению, к власти пришёл дуболом, которого интересует только всласть повоевать и чтобы его абреки отрезали больше голов. Скоро выть начнёте от своей наивности. Кац вас сначала купит, а потом продаст, но уже дороже. И все ваши ноу-хау и новейшие технологии высосет, не зря его в нашем НИИ мозга всё время приставляли к иностранным делегациям. А потом вдруг в институте появлялись прорывные методики, при этом у партнёров ничего нового не появлялось. Хотя, как правило, западные делегации приезжали с визитом, чтобы получить последние разработки нашего НИИ. Итоги экспериментов получали, а технологию, как этого достигнуть, – шиш.

Когда все приглашения на завтрашний торжественный ужин были розданы и я думал, что на сегодня все переговоры и разговоры о политике и положении в стране наконец закончены, Кац опять меня в этом разочаровал. Наверное, этот злодей мстил за то, что я его произвёл, по крайней мере на словах, в министры двора. Вот он и постарался соответствовать этой вредоносной должности – не давать монарху спокойно посидеть в одиночестве и опрокинуть для успокоения нервов пару рюмашек пятилетнего шустовского коньяка. Почему именно шустовского и пятилетнего – да потому, что две такие бутылки имелись в заначке Первухина, и именно о них я думал, когда дипломаты начали спускаться по ступенькам трибуны. Но вот Кац спутал весь мой план по успокоению нервов, заявив:

– Ну что, Михась, первый этап вроде бы прошёл хорошо, без срывов. Теперь требуется мягко взять реальную власть, а это будет намного труднее. Я и твой

полковник Попов определённую работу проводим, но без тебя многие вещи невозможны. Николай Павлович уже несколько дней обрабатывает начальника Петроградского охранного отделения генерала Константина Глобачева, но чтобы он стал полностью подконтрольным, нужно, чтобы ты встретился с этим жандармом. Он, конечно, особо не мешает деятельности КНП, но и о поддержке работы представителей комитета говорить не приходится. А, допустим, службе Берзиньша охранное отделение чинит различные препятствия. Сегодня этот генерал Глобачев вызван в Гатчину, нужно ему вставить по первое число за то, что охранное отделение не даёт развернуться в полную силу людям КНП.

– Хм, так они на то и охранное отделение, чтобы тормозить всякие там КНП и прочие общественные организации, если даже их деятельность направлена на укрепление существующей власти. Они же не прессуют и не арестовывают людей из возглавляемого Берзиньшем ЧК?

– Нет, но мешают его оперативным разработкам. И даже попытались направить жандармского офицера проверить внутреннюю тюрьму в Смольном.

– Надеюсь, охрана его туда не допустила? А то там же сидит финский лесоторговец, у которого я конфисковал довольно много денег после нападения опекаемых им соплеменников на санитарный поезд. Если этот лесоторговец попадёт в жандармерию, то конфискация у него денег Михаилом наверняка выплывет наружу. К тому же этот явный и непримиримый враг России может выйти на свободу. Кстати, сколько сейчас в подвалах Смольного содержится задержанных?

– С твоим финским лесоторговцем – пятьдесят семь человек. Скоро пригодные для содержания опасных экстремистов камеры будут переполнены. Всё-таки подвальные помещения Смольного не приспособлены для тюрьмы. А отпускать таких фанатически настроенных людей нельзя – это чревато разрастанием революционной борьбы с самодержавием. Задержанные – настоящие дрожжи для люмпенов, собранных в Петрограде. Образованные, наглые и энергичные. Если передадим их охранному отделению, то эти личности уже через неделю будут на свободе, об этом позаботятся их спонсоры и адвокаты. Если хотим, чтобы революций не было, нужно этих бестий ликвидировать. Ведь даже если их засудить и отправить на каторгу, а тем более в ссылку, то беды с ними всё равно не оберёмся. А количество этих пламенных революционеров всё растёт. Ребята полковника Попова ежедневно привозят в Смольный человека три-четыре. А тут ещё и служба Берзиньша начала работать. Они пока чистят латышских стрелков,

но всё равно по паре человек в день арестовывают. Так что, Михась, нужно думать, что делать с задержанными.

– А что тут думать? Нужно поступать по законам военного времени и предреволюционного положения. Покажем гнилой и болтливой интеллигенции звериный оскал царизма. Я, когда возвращался в Питер, всё думал, на каком примере показать говорливым политиканам, что лафа кончилась и что Михаил – это не мямля Николай Второй. А ещё обещал всадникам из ингушского полка, что в столице скучать им не придётся – врагов у командира корпуса много, и их нужно будет проредить. Наказать по горским обычаям. А это значит – отсечение голов, нанизывание их на шесты и установка их вдоль дорог. Последнее, конечно, лишнее для европейской страны, но если мы скифы, как писал Блок, то и нужно вести себя, как эти свирепые воины. Проскакать нукерам императора по улицам столицы с головами врагов владыки, нанизанными на пики. Вот это будет шоу так шоу – кровавое и соответствующее этой бессмысленной войне.

– Так что, так просто – пятьдесят семь человек под нож?

– Конечно нет, мы же интеллигентные люди. Гуманисты, так сказать. Проведём, как положено, суд, и ингуши только после его приговора начнут отрезать головы у твоих заключённых.

– Михась, да ты что, белены объелся, какой суд? Доказательств же их подрывной работы считай что нет. Практически все эти люди задержаны на основании оперативной разработки, и даже царский суд будет вынужден их отпустить.

– Нам царский суд не нужен, и европейский тоже. Воспользуемся прецедентом – организуем такой же трибунал, как над мятежниками на станции Лазаревская. Ты, кстати, взял на работу юристом Владимира Венедиктовича?

– Естественно, выбирать-то было особо не из кого. И плачу ему бешеное жалованье, сейчас аж девятьсот рублей в месяц. И, кстати, не жалею об этом. Он стоит этих денег. Большего прохиндея я в жизни не видел. Не еврей, но так закрутит дело, что любой сионский мудрец себе полбороды выщиплет, пока поймёт задумку этого бывшего адвоката.

– Это хорошо, что ты прислушался к моему совету. Вот Владимир Венедиктович и организует суд над узниками твоей тюрьмы. Всё сделает с юридической стороны

чисто и быстро. В нашей истории, наверное, он был учителем Вышинского. А в этой истории, пожалуй, я его сделаю главным судьёй империи. Можешь так ему и передать. И то, что суд над задержанными врагами императора является проверкой его годности к такому высокому званию, тоже скажи. Людей, которые станут судебными заседателями, подберёшь сам. Задание всем одно – приговоры должны быть оформлены на следующий день после утверждения Сенатом нового императора. Вот тогда и можно будет начинать наводить порядок.

– А не боишься прослыть Михаилом Кровавым и закончить свои дни, как Николай Второй в нашей истории? Не лучше ли всё делать по-тихому, как присланный тобой полковник Попов?

– Так и будем действовать, но сейчас нужно показать, что пришёл настоящий царь, который будет подавлять смуту самым жёстким образом. И опричники у него есть, которых только он может сдержать. Всадники Туземной дивизии весьма для этого подходят. И никаким социалистам их не распропагандировать. Общаясь с людьми этого времени, я понял – разложение идет прежде всего в головах. Я говорю об образованных людях, начитавшихся книжек о счастливой жизни в справедливом обществе. Они видят зажравшихся чиновников. Свинское положение крестьян и рабочих. Видят и ненужную народу войну, уносящую миллионы жизней, на потребу беснующейся от крови аристократии. Естественно, эти люди хотят прекратить всю эту вакханалию. А как это сделать, им объясняют зачастую люди, получающие весьма неплохие дивиденды от роста бардака в стране. Как правило, основная масса солдат, вечно брюзжащих интеллигентов и квалифицированных рабочих ещё не совсем ожесточены, и инстинкт самосохранения у них ещё не атрофировался. Так как в настоящее время мы не в состоянии хоть как-то улучшить ситуацию в стране и на фронте, остаётся воздействовать на инстинкты самосохранения. Вот акция быстрого суда по упрощённой схеме и немедленной казни осуждённых и направлена к инстинкту самосохранения более-менее адекватных людей. А антураж, который обеспечат джигиты, заставит этот урок намертво врезаться в память любого подданного Российской империи. Понял, Кац, мою идею?

– Хорошо всё на бумаге, а в реальной жизни сплошные овраги. И первый из них – отношение союзников к такому правосудию. Факт зверской и массовой казни врагов нового императора не пройдёт мимо общественности таких стран, как Франция и Англия. Если сейчас там отношение к Михаилу и к России хорошее, то после такой казни будут считать нового императора исчадием зла, и отношение

к стране будет соответствующее. Никаких новых кредитов после этого Россия не получит, а значит, наш план полетит в тартарары. Продукты мы не закупим и не наладим производство нового вооружения. А вслед за ухудшением жизни простых людей будет расти их ожесточение к власти. Тот же инстинкт самосохранения толкнёт людей уничтожить такую власть, которая ведёт их к гибели.

– Думаешь, не стоит устраивать показное кровавое шоу? Может быть, ты и прав. Если сказать прямо, у меня тоже к этому душа не лежит. Хотя описанные тобой овраги можно сгладить – сослаться на дикий нрав горцев, которым поручили охранять осуждённых, а они учинили самосуд над врагами императора. Я думаю, либеральное общество Запада скушает это объяснение. Ведь если почитать их газеты, то складывается убеждение, что туземцы – это неуправляемые звери, инстинкты которых может сдержать только белый человек. Так что обычный человек на Западе не будет шокирован тем, что всадники Туземной дивизии таким образом расправились с осуждёнными. Для него ключевыми словами будут «осуждённые» и «Туземная дивизия». Простому обывателю ведь невдомёк, что кавказцы такие же европейцы, что и он. Ну, это ладно, ты, наверное, прав – из цивилизованных рамок выходить не стоит. Но что же делать – как остановить разложение общества в те сжатые сроки, которые нам отпущены историей?

– Плавней надо, Михась, работать. Не допускать истеричных поступков. Посоветуйся с Николаем Павловичем. Полковник Попов и его люди делают такие дела, что твоим джигитам и не снились, и всё это тихо и незаметно. При этом поставленных целей они добиваются. Сегодня полковник Попов с начальником Петроградского охранного отделения генералом Глобачевым прибудут к тебе на аудиенцию в Гатчину, вот после неё ты и сможешь переговорить с Николаем Павловичем.

– Вместе переговорим, ты тоже будешь присутствовать. И, кстати, не с полковником Поповым, а с генерал-майором Поповым. Я ему это звание присвоил ещё в Луцке, так что есть повод распить бутылочку шустовского. Да и на встрече с жандармским генералом ты тоже будешь присутствовать. У меня много вопросов по обстановке в Петрограде. Снова поработаешь секретарём, хотя представлю тебя опять министром двора и называть тебя буду граф Джонсон. Можешь считать, что я даровал тебе этот титул, и ты можешь теперь парить мозг своей невесте, что задержка с венчанием связана с тем, что ты хотел, чтобы она стала графиней Джонсон. Ха-ха-ха.

Отсмеявшись, я закончил:

– Да, и имение Липки тебе жалую. Только юридическую чистоту этого дарения должен обеспечить Владимир Венедиктович. Думаю, с его талантами и моей поддержкой это будет сделать не трудно.

После этого моего символичного подарка началась наша обычная словесная перепалка. В этот раз я нападал, а Кац оборонялся, периодически выдавая едкие эпитеты в мой адрес. Эта дуэль языков продолжалась недолго, максимум минут пять, так как на трибуне появился посторонний человек – мой адъютант ротмистр Хохлов. Ещё находясь на ступеньках трибуны, он вытянулся в свой немалый рост и громким голосом доложил:

– Ваше величество, карета подана, можно отправляться в вашу резиденцию в Гатчину.

Еле сдерживая смех и от этой киношной фразы и от предыдущей весёлой перепалки с Кацем, я вспомнил свои мысли, когда разговаривал с генералом Кондзеровским, и ответил:

– Нет, ротмистр, я поеду на автомобиле с господином Джонсоном. Мы ещё не договорили, к тому же на автомобиле гораздо быстрее. А барону Штакельбергу, отвечающему за церемонии, передайте, что сегодня не день коронации. Вот завтра, когда направлюсь в Сенат, я буду полностью выполнять все рекомендации мастера церемоний императорского двора. Сегодня сам прокатись на этой карете до Гатчины. Заодно проверишь, мягка ли она на ходу и поведение джигитов конвойной полусотни. Я приказал командиру Ингушского полка подобрать в мою охрану самых спокойных всадников. Вот и посмотришь, как это приказание выполнено.

Хохлов опять вытянулся и, как на строевом смотре, гаркнул:

– Слушаюсь, ваше величество!

И умудрившись с гвардейским шиком развернуться на узенькой ступеньке, ротмистр спустился на мостовую. Мы тоже с Кацем спустились на брусчатку. Пока шли к старому доброму «Роллс-ройсу» Михаила, я сделал ещё один подарок своему другу, заявив:

– А, пожалуй, Кац, я тебе и «Роллс-ройс» подарю. А то ты всё-таки серый кардинал императора, а автомобиля или даже дешёвой пролётки не имеешь. Вот только водителя Гришку заберу. Будет возить меня на «Паккарде». Американский посол сегодня заявил, что народ Соединенных Штатов в знак глубокого уважения к Михаилу Второму дарит этот представительский автомобиль с надеждой, что тот продолжит своё великое начинание по созданию еврейского государства. Я ему, естественно, подтвердил, что являюсь сторонником создания еврейского государства в Палестине. И как только мы освободим проливы и судоходство через Дарданеллы станет безопасным, Россия начнёт направлять транспорты с еврейскими переселенцами в Палестину. Ответственным за это великое переселение я назвал тебя. Так что, Кац, гордись, ты становишься для евреев новым Моисеем.

– Хм, лишь бы эта затея не вылилась в сорокалетнее блуждание по кабинетам ответственных и не очень чиновников.

– А это уже, парень, зависит от тебя, так же как и финансирование этого переселения. Что касается преодоления бюрократических заслонов, то в этом я, естественно, буду тебе помогать. Ну а с финансами, думаю, помогут богатые евреи. И прежде всего нужно пощипать еврейскую диаспору в Америке. Думаю, у них денег куры не клюют. Вон, подарили же мне «Паккард», и это только за то, что я обозначил эту тему. А когда начнутся реальные действия по созданию еврейского государства, то за осуществление этой мечты всех сионистов еврейские банкиры отвалят весьма солидные бабки. За них можно будет не только всех желающих переселить в Палестину, но и построить в России несколько крупных инфраструктурных объектов. Например, мне не даёт покоя план ГОЭЛРО и такие сталинские свершения, как Беломоро-Балтийский канал, Турксиб или там канал Волга – Дон.

– Ну, ты и разошелся, Михась, уже лавры Сталина не дают покоя. Ещё даже трон официально не занял, а уже поднимаешь цунами. У Сталина люди были – умел он специалистов подбирать и заставлять их творить чудеса. А мы дилетанты по сравнению с ним и ориентируемся на людей, которые сами к нам летят в надежде что-нибудь урвать для себя любимых.

– Пускай наша интуиция и таланты управленцев не дотягивают до «вождя народов», но зато мы жили в двадцать первом веке и знаем, какие проекты действительно нужны. Известны нам и самые яркие представители команды

Сталина. Сейчас они все живы, и нужно их привлечь в нашу команду. Да и сам Сталин жив и сейчас отбывает ссылку в Туруханском крае. Нужно его оттуда выдёргивать и сделать всё, чтобы привлечь в нашу команду. Не жалеть ни денег ни должностей, чтобы перетащить этого самородка на нашу сторону. Ленина хрен переубедишь, что царь приведёт народ к процветанию, к сожалению, он на генетическом уровне ненавидит царизм. А вот Сталина, судя по его действиям, приведшим к тому, что он сам стал «красным императором», убедить в том, что самодержавие для России хороший выбор, можно. Впрочем, мы об этом уже не раз говорили.

Даже усевшись в кабину «Роллс-ройса», мы продолжали с Кацем дискутировать по моему предложению. И только на середине пути пришли к согласию и снова стали вспоминать, кто же из выдающихся людей, выдернувших Советскую Россию из клоаки, в которую она попала после революций и гражданской войны, сейчас находится в дееспособном возрасте. Фамилии и известные нам факты биографии Кац тут же записывал в свой блокнот. Эти данные я хотел сегодня же передать Попову, чтобы его начавшаяся формироваться кадровая служба разыскала их и постаралась нанять на работу в КНП. Если они начнут артачиться, то пригласить их в Петроград на беседу с самим императором. По мнению Каца, ни один нормальный человек от такого предложения не откажется. А тут уж, пользуясь методами двадцать первого века (нейропрограммирования и прочими подобными), в которых Кац кое-что понимал, убедить клиента, что работа на императора полностью соответствует его убеждениям.

Добравшись до особняка в Гатчине, мы с моим другом разделились – я направился в мой старый кабинет окончательно подготовить список нужных для выполнения наших целей людей, а Кац пошёл в свою комнату. У него там были кое-какие документы, которые можно было использовать в разговоре с начальником Петроградского охранного отделения. Конечно, не полный архив всех тёрок КНП с жандармами, но наиболее важные документы он хранил в доме брата Николая Второго, а не в Смольном. В нижнем холле дворца находился недавно приехавший генерал Кондзеровский. Он весьма удивился моему появлению. Это я понял по выражению его лица. Меня это развеселило, и я, ухмыляясь, заявил:

– Что, генерал, не ожидал? Думал, что твой император такой ретроград и не воспользуется прогрессом? Да я даже на фронте больше передвигался на автомобиле, чем верхом на лошади, а уж в Петрограде сам бог это велел. Тем

более трястись тридцать вёрст в душной карете. К чёрту условности – вперёд к прогрессу! Ладно, господин Кондзеровский, пойдём обсуждать, какие условности мне предстоит выполнить завтра.

И мы с генералом Кондзеровским направились в мой кабинет, где довольно быстро утрясли завтрашний регламент. Видно, генерал сам торопился и не влезал в церемониальные тонкости. А может быть, он по натуре чёток и краток, без всякой аристократической мишуры. Мне его деловой стиль импонировал.

В Гатчину я приехал как настоящий император, в сопровождении целой кавалькады автомобилей. «Роллс-ройс» сопровождал не только «Форд» спецгруппы, но и остальные автомобили мехгруппы. Так как госпиталь, который раньше занимал флигель и все подсобные помещения имения, был передислоцирован в Липки, я посчитал возможным разместить мехгруппу рядом с собой. Времена сейчас мутные, и вполне вероятно, что германский Генштаб вновь предпримет попытку уничтожить Михаила. И проверенное подразделение под боком может спасти жизнь императору. От покушений я, как мог, страховался – снайпера, агентура и прочие примочки двадцать первого века, а вот на войсковую операцию противника можно было ответить, только имея под рукой мобильное обстрелянное подразделение. А мехгруппа и была именно таким. Правда, был один минус – исполняющий обязанности её командира капитан Пригожин был не очень решительным человеком. Как его охарактеризовал Первухин, интуитивно хорошо разбирающийся в людях, – ни рыба ни мясо. А мнению этого простого и необразованного человека я доверял. Пускай он деревенщина и прост как репа, но зато преданный мне лично и, несомненно, интуитивно чувствует опасность и людей, которые могут её приблизить. Так что после того, как присвоил звание полковника бывшему командиру мехгруппы Хватову, я подбирал человека на эту должность. Вернее, не подбирал, а присматривался, и кандидат у меня был один – это ротмистр Хохлов. Понравился мне этот бывший гвардеец. Я его специально взял вторым адъютантом, что было, в общем-то, беспрецедентным случаем, чтобы присмотреться к этому офицеру. Эти несколько дней, которые боевой офицер являлся адъютантом высокого начальника, убедили меня, что Хохлов годится быть командиром мехгруппы. Его характер и повадки чем-то напоминали Хватова. А значит, можно надеяться, что ротмистр такой же смелый, решительный и предусмотрительный человек. Не зря именно Хохлова назначили командиром группы, направленной генералом Безобразовым для поиска, а если потребуется, и спасения Михаила.

А мысль о втором адъютанте и командире мехгруппы возникла не на пустом месте. Именно сейчас мне бы очень пригодился грамотный человек, умеющий писать каллиграфическим почерком. У меня почерк ужасный, я же не учился в школе каллиграфии. А в этом времени любой, кто окончил гимназию, мог писать красиво и без помарок. Нужно было переписывать список, который составлял Кац, а никого с навыками каллиграфа рядом не было. Хохлову я зачем-то поручил перегонять в Гатчину кареты, а Максим в настоящий момент размещал бойцов мехгруппы и организовывал малый круг охраны. То есть непосредственно особняк и выезд из имения.

Слава богу, моё раздражение с задержкой составления списка сумел погасить Первухин. И не только тем, что, как только мы вошли в кабинет, он начал из своего бездонного портфеля доставать разные вкусности. А самой нелепостью ситуации, когда поручик в парадном белом мундире с загадочным видом достаёт из портфеля, в котором по законам жанра должны лежать секретные документы, сначала весь замасленный пакет с жареными пирожками, затем одну за другой несколько больших груш, а последней – бутылку шустовского коньяка. Очень колоритно это всё смотрелось на маленьком столе рядом с диваном. Уже это действо вызвало у меня внутренний смех, а когда Первухин сказал, что в кузове его броневика имеется ещё большой кофр с продуктами, я чуть не расхохотался в полный голос. Надо же, на полном серьёзе Первухин рассуждает о своём броневике, ведь негоже ему теперь – офицеру, денщику, вернее порученцу самого императора – передвигаться в кузове с другими солдатами. Теперь его место в кабине, а на жёсткое кресло можно положить и подушку, имеющуюся у любого бойца десантной группы. Одним словом, Первухин отжал у капитана Пригожина грузовик, где командиром десантной группы был его приятель, бывший ефрейтор, а теперь унтер-офицер, Никонов. И сейчас, разъезжая в кабине этой боевой машины, Дима понимал, что такое возможно только до назначения командиром мехгруппы офицера, подобного Хватову. Поэтому он в последнее время стал часто капать мне на мозг с предложением усилить спецгруппу броневиком ефрейтора Никонова. Если прямо сказать, занудство Первухина меня достало, и только по одной причине я его не осаживал: так как сам подумывал об усилении своей охраны. А десантная группа ефрейтора Никонова ничем не хуже других отделений мехгруппы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kozhevnikov_oleg/imperator

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити